

кабинетный учёный
[kʌbɪn'etnyɪ utʃ'ɔ:nyɪ]
armchair-scientist.ru

Petar Bojanić

PROVOCATIO

Vokativ

Ius Revolucija

ARMCHAIR SCIENTIST
EKATERINBURG — MOSCOW
2022

Петар Боянич

ПРОВОКАЦИЯ

Воззвание

и право на переворот

КАБИНЕТНЫЙ УЧЕНЫЙ
ЕКАТЕРИНБУРГ — МОСКВА
2022

ББК 87.1
Б86

Petar Bojanić
PROVOCATIO
Vokativ Ius Revolucija
Belgrade, Službeni glasnik, 2008

Перевод с сербского:
Войислав Стоянович, Виктория Березняк

Научная редакция,
авторы примечаний и послесловия:
Виктор Римский и Сергей Борисов

Боянич П.

Б86 Провокация. Воззвание и право на переворот / П. Боянич;
[пер. с сербск. В. Стояновича, В. Березняка]. — Екатеринбу-
рг ; Москва : Кабинетный ученый, 2022. — 100 с.

ISBN 978-5-7584-0660-1

Эта небольшая книга написана в форме литературно-фило-
софского эссе и создана на основе серии лекций, прочитан-
ных Петаром Бояничем, сербским философом, учеником Дер-
рида, в Белграде для средств массовой информации во второй
половине октября 2007 года. На сербском языке книга вышла
в 2008 году. Мы предлагаем перевод книги на русский язык,
рассчитанный на самые широкие читательские круги, инте-
ресующиеся историей культуры и современной философией.

ББК 87.1

© Petar Bojanić, 2008
© В. Стоянович, В. Березняк, перевод, 2022
© С. Борисов, В. Римский, редакция
и послесловие, 2022
© «Кабинетный ученый», 2022

ISBN 978-5-7584-0660-1

PROLOGUS

Настаиваю на том, что слух является главным пер-
сонажем этого текста.

Уши являются предметом того, что я упорно назы-
ваю «провокацией» или *provocatio* («вызов» и «призыв»,
«воззвание» и «клич»). Одно короткое слово «провока-
ция» есть то, о чём я говорю, что оно есть, или есть про-
вокационное предложение, если и только если кто-то
услышит его. Но это только начало и первое условие.

Этот «кто-то», кто подслушивает, слышит и отзыва-
ется и, возможно, возвращает нам новую провокацию,
не является только моим собеседником или собесед-
ником нескольких читателей, которых побуждает мое
мнение. Некоторые из вас вскоре будут, наверное, бур-
но реагировать или ругать меня. Чтобы *призыв* (клич)
был действительно чем-то большим, чем призыв, был
вызовом и *кличем* (провокацией), многим из вас сле-
дует согласиться и проснуться, необходимо почувство-
вать себя призванными и готовыми, просветлёнными:
те, кто будут на пороге, должны срочно вернуться, а те,
кто сейчас отсутствуют, обязательно неожиданно появ-
вятся, чтобы подойти ближе и объявить, что они тоже
услышали.

Заполните воском уши, и вы ничего не увидите, не
почувствуете запах, не будете тронуты и никогда не до-
тронетесь, не пожелаете, не лизнете и не попробуете.

Это страшное и почти бредовое преимущество голоса, уха и слуха по отношению ко всем остальным чувствам: слово «чувство» подразумевает, что слух и чувствительность уже присутствуют в каждом другом чувстве. Далее, с производной «чувствительностью», становится легко понять, что желание и голос сирены и Бога сначала входят в уши и через уши, следовательно, эта моя настойчивость на слушании безоговорочно содержит латинское существительное женского рода *provocatio* (в родительном падеже *provocationis*).

Голос и глас (*vox*), ухо и слух множества (множественного числа, толпы, народа (*populus*); трудно сразу прознести это последнее слово) являются тремя примерами или тремя регистрами, которые бы могли облегчить и определение, и создание одной *provocatio*.

Голос «производит» в коннотациях глаголы «звать», «взывать», «позвать», «призывать», «кликать», «именовать», т. е. всё, что и есть (*pro*)*vo*co. Уху как границе или мембране следовало бы принять или отклонить какой-либо призыв; пока слух бы содержал, кроме открытия и принятия голоса, в то же время и объявление, воззвание, оглашенность или разглашение. «Иметь слух» значит всегда что-то большее, чем просто слушание и слышание. Это означает повторение голоса. Повторение голоса всегда разное, но узнаваемо и уравновешено, оглашение и варьирование голоса, а потом и «кликание» в соответствии с голосом, который откуда-то приходит.

Предварительно я еще больше усложню провокационный посыл утверждением, что слух находится уже «в себе» и «перед» голосом, который содержится в рамках одного призыва, и содержит что-то из того же само-

го голосового (звукового). В слухе уже существуют запас голоса и истории оглашения. Кажется, что идиоматическое выражение «иметь слух» — повторю еще раз — это подразумевает более сильную чувствительность, тонированную слышимость, а потом более быстрый ответ на призыв в виде повторения, озвучивания, разглашения, усиления этого же самого зова и гласа (осмелюсь сразу сказать, что тот, кто имеет слух, может быть ответственным) — может более успешно заменить синтагму «первичная вера» (*primary faith*) или «вера, которая предшествует», о которой говорит Ральф Уолдо Эмерсон. В знаменитой речи 1838 года¹, которая обычно издается под названием *An Address*, отсутствие этой «первичной веры» представляет деградацию и падение церкви, государства, искусства, литературы, жизни и т. д. Если нет этой веры — я бы сказал, если нет слуха (ещё точнее, если у вас нет слуха, а у меня в придачу нет голоса) — тогда меня не слышат, и тогда никто не доверяет Эмерсону.

Следовательно, философ Эмерсон пытается обеспечить отзыв, отклик и удержать внимание в своем обращении к апольвентам из Дивинити колледжа (*Divinity College*, Канада), а затем и разделить с ними ответственность за успех своей проповеди. На заднем плане — весь этот теолого-политический контекст, потому и настойчивость Эмерсона обращена к интуиции и инспирации, сентиментальности и сенсуальности, и исключительно направлена на слух его слушателей.

¹ Речь была произнесена в воскресенье утром, 15 июля 1838 года, в Кембридже, в Дивинити колледже (*Divinity College*). *Emerson R. W. Emerson's Prose and Poetry*. New York, Norton, 2001.

Я вас зову, я к вам обращаюсь, я адресую мои слова вам, следовательно, хочу, чтобы вы отозвались, хочу, чтобы вы дали мне знак, что слышите меня, чтобы подтвердить, что вы меня принимаете.

Ключевое место, которое нас особенно интересует и которое вписано в историю провокационной мысли, есть «выход» Эмерсона из его собственной проповеди и критика профессии, университета, передачи и переноса знания путем инструкции из вторых рук.

То, что вам нужно, не может быть получено из вторых рук (*it cannot be recieved at second hand*).

Другими словами, я не посредник и не учитель, и я не могу вам передать ни мой *призыв* (*vocatio*), ни знание о том, что такое *провокация*. Все, что может быть перенесено, это сам *вызов* и *призыв* или *провокация* как таковая. Эмерсон говорит следующее:

По правде говоря, это не инструкция, а провокация, которую я могу получить от другой души. То, что он объявляет, я должен найти истинным в себе или полностью отвергнуть это; а от его слова или от его помощи, кем бы он ни был, могу не принять ничего. Вопреки этому, отсутствие этой первичной веры является присутствием деградации².

Если этот фрагмент мы прочитаем вне двусмысленных и тяжелых синтагм (одна из них является “be he who he may”) и обойдем эту привычную, протестантскую матрицу, где «Он», Бог, дан только тем,

² Truly speaking, it is not instruction, but provocation, that I can receive from another soul. What he announces, I must find true in me, or wholly reject; and on his word, or as his second, be he who he may, I can accept nothing. On the contrary, the absence of this primary faith is the presence of degradation. P. 72.

которые уже имеют что-то от него в них самих (это вера), то, что является истинно (*truly*) провокационным в этом фрагменте, касается своего рода медийного кризиса или кризиса в диффузии информации. Иначе говоря, *medium* Эмерсон заключает, что провокация имеет преимущество в отношении к инструкции, или что некоторую информацию (в самом широком значении этого слова) другой может перенести, то есть получить, если и только если она принадлежит ряду *provocatio*, а не *instructio*. Эмерсон думает, что невозможно другого инструктировать, а именно выстроить, ранжировать, привести в порядок и перепорядочить, расположить и ввести в один новый регистр или «поднять» и «повысить» на некоторую более высокую инстанцию. Точнее, один медиарегистр, который стоит за тем, чтобы инструктировать, руководить, манипулировать, ассистировать *at second hand*, насколько он ни был бы совершенен (хотя бы исходит и от самого Бога, как мне кажется, утверждает Эмерсон), не может произвести абсолютно ничего у адресата.

Два момента — что я могу отбросить (*reject*) что-то в целостности и могу что-то не принять (*accept*), и это «что-то» является другим и исходит от другого — отличают одного совсем нового субъекта и прописывают его необыденную рецептивную активность. Критикуя мощь *субъекта* (и Бога, и себя самого), чтобы инструктировать и владеть (должно быть ясно, что этим унижена и возможность какой-либо само/инструкции или само/провокации, или само/провокации другим), Эмерсон нарушает оптику через смягчение преимущества *другого* тем же самым во *мне* (в нас), что узнаёт другого и является *общим* с ним. Даже если он и предположит что-то совсем противоположное этому — есть ли

во мне что-то, что предшествует и существует и до того, как другой объявит (*announces*) то же самое (другое), является ясным, что *это* во мне (в нас) двигается или появляется только с другим. Оттого во мне (или в другом) есть *что-то*, что не только моё, но является общим, взаимозаменяемым и всегда разделяемым с другими. Если «другой» не сдвинет это, если я не сдвину это «моё», что находится у него — если я не найду его во мне, а он меня в себе — тогда это знак того, что мы не находимся внутри *поля провокации*. Равнодушие и отталкивание другого, о чём говорит Эмерсон и располагает это внутри инструкции, безошибочно указывает на всегда *включённое различие между провокацией и насилем*³.

Мы ошибемся сразу, если очень сильно прислушаемся к слову *provocatio* и его преимуществу перед словом *instructio*, найдем излишне много в том, что звук, голос, зов, чувство, слух или (про)слушание всегда медийно гораздо атрактивнее, чем один

³ Оказывается, что дистинкция, которую ставит Эмерсон в этом фрагменте, могла бы открывать некоторые новые недоумения. Таким образом, известное аристотелевское определение насилия (*bia*) или принудительные (принужденные) действия как действия, чья причина акции лежит полностью вне актора (*Metafizika*, 1015 a, b; *Nikomahova etika*, 1110 a, b), легко можно было бы сравнить и даже совсем приравнять к одной кантовской рефлексии о раздражении (то есть о провокации) из 1772–1773 гг. «Раздражения и эмоции (*Die Reitze und Ruhrungen*) двигают кого-то против его воли. Они всегда гнусны, потому что у других отнимают мир (...) Я мог бы пожелать, чтобы моя чувствительность была установлена, но всегда, только если в моей власти (под моим контролем, *in meiner Gewalt behalte*). Когда эта степень преодолена, тогда другие играют со мною, вместо того чтобы включать меня в их игру (*sondern mit mir sein Spiel getrieben*)». *Refleksija broj 767. Reflexionen zur Anthropologie, Kants gesammelte Schriften*, Band XV. Berlin, Walter de Gruyter & Co., 1913. S. 334–335.

часто линейный инструктивный «дискурс». Гораздо более важный момент Эмерсон отмечает уже в заголовке своей речи. Слово “address” (или “appeal”) находится как в том же семантическом поле, так и в синонимии со словом *provocatio*. Они почти могут быть синонимами. А именно, “address” значит обращение или просто оглашение речи или поручение, но это слово с «провокацией» (воззванием) могло бы поделить одну весьма случайную, рандомную ориентацию и ознакомленность. Это как область воззвания и призыва, которые должны покрывать или раскрывать, эти парасинонимы являются гораздо более разбросанными и непрозрачными.

Но медийная сила «провокации» не только в том, что все позваны, что сообщение вызова, зова, воззвания, призыва и раздражения (или раздражение, если хотите) разослано всем, но и в том, что все в таком случае чувствуют себя призванными и позванными. Главный усилитель голоса (*vox*), который находится в каждом вызове, заключается в том, что все в самих себе подслушивают и испытывают какой-то свой внутренний голос, зов или свое собственное призвание (*vocatio*): “What he announces, I must find <...> in me”, — говорит Эмерсон (я именно этот поиск связал со слухом), поэтому они как таковые сами являются потенциальными *медиа, посредниками* (именно это является множественным числом существительного *medium*) и тогда производят *provocatio*. Эмерсон в самом деле отменяет себя в качестве инструктора и медиа во имя всех актуальных и истинных медиаторов/посредников провокации.

Между тем именно в моменте этого неожиданно поворота от проповеди к воззванию и вызыванию Эмерсон затеняет меру обнародования провокации

словом *деградация*. Деградация, которая девальвирует веру или слух, находится и начинается между призывом и отзывом, между тем, что объявлено и обозначено (*announced*) и тем, что есть во мне самом.

Всегда существует определенная степень ущербности связи между призывом другого о помощи и готовностью другого узнать в себе этого призванного. В самом деле, все, что нам нужно испытать, — это связь между всеми нами: степень совпадения вашего внимания (внимание — это условие всех условий провокации) и теплоты моего призыва, чтобы вы разыскали меня в орбите вашего слуха.

PROVOCO

Бросаю вызов

Эта монетка (*denarius*, монета) — на обороте которой (там, где находится голова, *head, face*) есть надпись и изображение человека, чье имя — Лаека (*Laeca*) — рекламирует и прославляет известную в то время семью *Porcia*¹ и одну из самых важных институций Римской Республики и права в целом: *ius provocatio*². Динарий

¹ Порции (*Gens Porcia*) — это плебейская семья, упоминаемая исключительно в последние три столетия Республики, через имена её трёх самых известных членов: *Laeca*, *Licinus* и *Cato*. Только потомки последнего встречаются в историографии и позже, во времена империи. Sydenham, *The Coinage of the Roman Republic*, Nr. 571; Babelon, *Description historique et chronologique des monnaies de la république romaine*, 1885–1886, *Porcia* Nr. 4.

² *Ius provocatio* — это *provocatio*, которое прикреплено к *ius*. Мы могли бы перевести этот синтагм как право названное или именованное как вызов (прозыв). *Ius provocationis* — это право

был в обращении во II веке до нашей эры (предполагается, что он сделан в 110 или 109 году) и был создан той же семьей, которая в середине этого столетия на другой монетке изображала знаменитую легенду о Ромуле и Реме с волчицей, которая их питает. Сотни разных семей в этом периоде делают деньги и поставляют их в обращение, используя совершенно разные темы из римской истории и мифологии (*Gens Cassia* и *Gens Licinia* например тематизируют динарии со сценами права на голосование [*ius suffragii*]). Такая практика продлится очень недолго, до Цезаря, до мгновения, когда суверен-император унифицирует и чеканку денег, и их тематику. С тех пор и до сегодняшнего дня деньги являются важнейшим инструментом политической пропаганды и борьбы, одной из основных институций суверенитета.

Кроме того, что деньги являются медиа *par excellence* (переносятся, несут сообщение, являются адресованными, диссеминируются и диспергируются

на призыв или воззвание; в переводе это было бы право, которое подтверждено и реализовано путем призыва. Право римского гражданина обращаться к народу, *звать народ на помощь* и так сопротивляться решению магистрата или судьи (прежде всего, когда речь идет о пытках, смертной казни или государственной измене) относится обычно к двум законам: *Lex Valeria* из 300 года до новой эры (его составил консул Маркус Валерий [*Marcus Valerius*]) и *Lex Sempronia* из 123. Существуют еще три неофициальных закона, которые имплицитно содержат некоторую из версий *provocatio ad populum*: *Lex Valeria* из 509, *Lex Publicola*, закон, который принимается после плебейского восстания из 493 (или 473) и *Lex Duilia de provocatione* из 449 года до новой эры. Все три последние, я бы сказал, *квазизакона* или события, которые, кажется, были на пороге закона, упоминает Тит Ливий в своей истории. Институт *provocatio* никогда не относился к нарушениям в домене сакрального, к административным спорам между гражданином и народом или к судебным спорам.

оптом и т. д.)³, они также хорошая фигура, которая может успешно инсценировать провокацию и провокационный акт. Деньги имеют что-то от голоса (*vox*), потому что деньги издают звуки, призывают и звенят (шелест денег будет значительно позже). Хотя использованием денег, как инструментом и медиа, суверен может созывать и вызывать других (например, подданных или граждан определённого региона), деньги как таковые уже соединяют и мобилизуют не менее двух рук, а на самом деле много разных рук.

Когда я говорил о слухе, о том, чтобы «иметь слух», чтобы ответить на некоторый вызов, когда я говорил, что нужны, во-первых, уши (кроме призыва и голоса, инкорпорированного в призыве), а потом и слух, моя настойчивость на слухе касалась отзыва на вызов. Быть ответственным или иметь слух не значит обязательно «ответить на провокацию», как обычно кажется сегодня. Очень часто — сегодня намного чаще, чем раньше — быть ответственным и иметь хороший слух (также говорят «хороший вкус») значит именно не отвечать на некоторый призыв. Если ответа нет, если некоторый призыв отменён либо молчанием, либо каким-то иным образом, тогда мы вообще не можем говорить ни о воззвании (призыве), ни о провокации. Ответственность начинается именно так, как говорит Эмерсон, и там, где прислушиваются и ищут созвучие призыва, который приходит извне, и того, что в нас. Деньги приходят извне, деньги снаружи, но также и в карманах у всех нас. Они эмитируются сувереном, но они эмитируются и подтверждаются каждым, для кого деньги являются средством платежа. Только когда деньги

³ *McLuhan M. Understanding Media*, Cambridge, MIT Press, 1964. Chapter 14, Money. Pp. 131–144.

пересекают границы и попадают в карманы, только в местах, где встречаются внешность и внутренность, только там, в тот момент будет услышан и звон, и потом *начнётся* ответственность. И, конечно же, деградация.

Семья Порция и её тогдашний самый влиятельный представитель Лаека Порций (Laesa Porcius) рекламируют и продвигают Республику и свободу. Вероятно, навсегда останется тайной, почему именно эта семья выбрала исключительно эту тему из общей жизни Рима, и почему она показана именно таким образом. Вполне вероятно, что эти монеты звенели в сумках тех, кто будет первыми систематически свидетельствовать об институции *provocatio* несколько десятилетий спустя, и чьи свидетельства нам сохранены и переданы: Цицерон (родился в 106 году до нашей эры), Дионисий из Галикарнаса (родился в 60 году до нашей эры) и Тит Ливий (родился в 59 году до нашей эры).

На обороте монеты (*tail, pile*) находится сцена, то есть линия, над которой изображены три разные человеческие фигуры. Под линией почвы — надпись *PROVOCO*. Уже в руках, например, Цицерона, эта монета была, вероятно, редкостью и, возможно, не имела никакого особого смысла. В качестве денег она не могла иметь никакой «провокационной силы», потому что не могла быть перераспределена и отправлена в сумку кого-то другого, и не звенела потому, что не могла быть присоединена к остальным монетам той эпохи. Однако необычное очарование этого динария состоит в этом позыве, *provoco* или *proisco* (указание на настоящее (первое лицо); инфинитив — *provocare*, на греческом *prokaleistai*). Некоторые из упомянутых фигур, кажется, «призывают» того, кто держит эту монету, или просто заставляют его вспомнить, чтобы вызвать одну

древнюю институцию, которую эта сцена и эти фигуры представляют и чье название — *provoco*. Эта дилемма, которая, несомненно, мучила Цицерона и Дионисия (и не только их), и которая *de facto* продолжается и по сей день⁴, весьма точно определяется рукой неизвестного художника, который создает изображение для монеты по заказу Лаека Порция, реконструируя одну древнюю институцию посредством аллегии.

Окружность монеты диктует расположение и разный размер фигур. Средняя фигура убедительно доминирует: ее правая рука высоко над головой фигуры, которая находится полностью слева. Фигура, находящаяся в правом углу, заметно меньше и намного ниже, чем фигура в середине, но, в отличие от остальных фигур, в руках держит своего рода кинжал

⁴ Нет консенсуса в понимании аллегии, которая находится на этой монетке, хотя перед нами самое сильное «материальное» доказательство того, что эта институция когда-то существовала. См.: *Mommsen T. Römisches Strafrecht. Leipzig, Duncker & Humblot, 1899. S. 31–32; Bleicken J. Provocatio. RE Pauli, 1959. S. 2448; Bleicken J. Ursprung und Bedeutung der Provocatio, Zeitschrift der Savigny Stiftung. Vol. 76. 1959. S. 350, 362; Kunkel W. Untersuchungen zur Entwicklung des römischen Kriminalverfahrens in vorsullanischer. Zeit, München, Verlag der Bayerischen Akademie, 1962. S. 29–30; Martin J. Die Provokation in der klassischen und späten Republik. Hermes, 98, 1970. S. 88; Lintott A. Provocatio. From the Struggle of the Orders to the Principate, Von den Anfängen Roms bis zum Ausgang der Republik. Band 2. Berlin-New York, Walter de Gruyter, 1972. S. 250; Cloud J. D. Provocatio. Two cases of possible fabrication in the annalistic sources, Sodalitas, 3, Napoli, 1984. P. 1370; Humbert M. Le tribunal de la plèbe et le tribunal du peuple: Remarques sur l'histoire de la prouocatio ad populum. MEFRA, 100, 1988. 1. Pp. 431–503; Magdelain A. Provocatio ad populum, Jus Imperium Auctoritas, Roma, MEFRA, 1990. P. 568; Cloud D. The Origin of Provocatio, Revue de Philologie, 1998. Vol. 72. 1. Pp. 42, 45; Oakley S. P. A Commentary on Livy Books VI–X. Volume VI, Book X. Oxford, Clarendon Press, 2005. Pp. 131–133.*

или бич (оружие), которые компенсируют недостаток в высоте. Обе фигуры схоже одеты в униформу (их зовут *paludamentum*). Третья фигура, слева — в тоге. Она лицом повёрнута к фигуре в середине, правое плечо и слегка приподнятая правая рука также устремлены к фигуре в середине. В отличие от двух правых фигур, которые «двигаются» на фигуру с левой стороны (как будто шагают к ней), тело фигуры с левой стороны полностью обращено к тем, которые смотрят. Тело выглядит как неподвижное, в то время как плечо, рука, голова и лицо целются налево (к середине). Заметная асимметрия на этой сцене (средняя и правая фигуры напротив левой) и определённое присутствие оружия указывают на насильственное действие. Точнее говоря, в *тени насилия* или под угрозой насилия (которое наверняка приходит с правой стороны сцены) левая и средняя фигуры выполняют какое-то коммуникативное действие или обмен.

В тот момент, когда я описываю эту сцену, колеблюсь, замедляюсь и стесняюсь добавить те элементы, которые сразу откроют (но и скроют, и каким-то другим способом отложат) правильное осмысление этой загадочной ситуации, только положение рук левой и правой фигуры не позволяет мне без всякой дилеммы сказать, что это — открытое насилие и призыв о помощи (клич о помощи). А именно, хотя угроза определена и преимущество фигур, которые приходят справа, полностью ясно (фигуре в середине не нужна никакая поддержка вооруженного маленького монстра, который находится справа), спокойствие и стабильность фигуры с левой стороны и положение руки, которую, может быть, должно сопровождать некоторое слово (или голос), парадоксально означает какую-то будущую *активность* и, я бы сказал, *силу*. На это указыва-

ет то, что фигуры, которые приходят справа, мягко наклонены назад и как будто уже остановлены какой-то чудесной и *внезапной силой*. Кажется, что они отпрянули, потому что их грудь отстает по отношению к правой ноге, которая осталась вытянутой вперед. Кажется, что суверенность, центрированность и размер средней фигуры остаются застывшими в динамике (повторяю, что она будто бы оставлена там, где находится, она не свергнута, убедительно самая большая, но определенно успокоена) и оказывается, что рука суверена, которая спускается вниз, к голове, является рукой, которую он может остановить, — не другая рука или лицо, не сила другой руки, или голое открытое лицо, — но только *голос* и исключительно это *слово*, которое вырезано внизу, и которое читаем и кричим, полностью лишённые слуха и мелодии латинского языка: *provoco*.

Тит Ливий, автор 142 книг о римской истории (сохранилось только 35), происхождение этой сцены и этого узаконенного *сопротивления силе* находит в одном из самых важных событий древних времен. Речь идет о легенде о героизме, легенде о судьбе Горация, обязанности перед Родиной и любви, которая на протяжении веков провоцировала множество разных авторов повторять и переосмысливать её (П. Корнель⁵ был только одним из них). Но еще намного раньше, опередив времена Римской Республики, один правитель, которого звали Тулл Гостилий (третий по очереди римский царь) и который правил Римом с 672 по 640 год, должен был назначить наказание

⁵ В посвящении кардиналу Ришелье (оно предшествует славной трагедии, чьё заглавие *Horace*, опубликованной в январе 1641 года) Корнель оставляет на латыни целых три главы первой книги Тито Ливия. (1, XXIII–XXVI). См.: *Corneille. Oeuvres complètes*. Paris, Gallimard, Vol. I. 1980. Pp. 835–838.

знаменитому герою Горацию, только что одержавшему великую для Рима победу в длительной борьбе против города Альба (диктатор Альба-Лонга Меттий Фуфетий). По возвращении с войны Гораций свирепо убивает свою сестру, которая скорбит по жениху, врагу Рима, которого Гораций сразил в последнем и решающем сражении. Призыв сестры к мертвому жениху прерывается братом-героем, и за это преступление он должен быть осужден. Царь Гостилий не решает сам осудить его и уполномочивает двух *duoviris*⁶ судить его за предательство (*perduellio*), вероятно потому, что его убийство «противоестественно»⁷ и грязнит сообщество⁸. Этот ужасно сформулированный закон

⁶ *Duoviris* — выдумка Ливия, т. к. источник, которым он пользуется, неизвестен. Он, правда, переносит инстанцию принятия решения с себя на двух чиновников, но полностью неверно говорить, что царь этим актом использует учреждение, которое существовало до него, или он учреждает некий новый институт, который будет действительным и после него. См.: Solodow J. B. *Livy and the Story of Horatius*, 1. 24–26. *Transactions of the American Philological Association* 109 (1979). P. 255; *Livi T. Ab vrbe condita libri. Liber primus*, Cambridge Univrsity Press, 1912. P. 146.

⁷ Убийство сестры, как и матери, а тем более отца, у всех древних народов было святотатством и страшным преступлением. Однако в древнем Риме только отец мог убить и своих детей, и жену, и рабов. Это связано с другой древнейшей праинституцией “*homo sacer*”, бытовавшей в амбивалентной стихии сакрального до разделения религии и права, о чём писал Дж. Агамбен. См.: Агамбен Дж. *Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М.: Европа, 2011. — Прим. ред.

⁸ Неясно, почему Ливий говорит о *perduellio* (предательство, война против собственной страны), когда это *sororium* или *parricidium* (убийство в общественном месте). Также его сестра, наверняка, должна была быть обвиненной за *proditio* (предательство), потому что она оплакивала врага, и убийство особ, обвиняемых за *proditio*, не должно было быть наказуемо. См.: *Ogilvie R. M. A Commentary on Livy. Books 1–5*. Oxford, Clarendon Press,

(*lex horrendi carminis erat*), по которому они должны судить его, говорит Ливий, произносит именно сам суверен Гостилий:

Позвольте *duoviris*-ам судить (*perduellio* или преступление против государства) предательство. *Si a duoviris provocarit, provocatione certato*: если обвиняемый вызовет (народ) против *duoviris*, то получит провокацию — возможность вести дебаты, держать слово перед народом; если получат (вердикт) *duoviris*, пусть голова обвиняемого будет покрыта, пусть его повесят на ветке дерева, которое не дает плодов (*infelici arbori*)⁹, и пусть его избьют кнутом (*verberato*)¹⁰ и внутри, и снаружи *pomerium*-а¹¹.

После публичного оглашения приговора, говорит дальше Ливий, один из двух *duoviris*-ов изъясняет (теперь перед Горацием):

Publius Horati, осуждаю тебя за предательство (*tibi perduellionem iudico*). *I, lictor, colliga manus* (давай, ликтор, свяжи его руки).

Ликтор¹² подошел, и ему даже удалось обмотать его руки, говорит дальше Ливий, когда Гораций, выслушав

1965. Pp. 114–115; Watson A. *The Death of Horatia*. *The Classical Quarterly*. Vol. 29. No. 2. 1979. Pp. 436–447.

⁹ Так удавился Иуда. — Прим. ред.

¹⁰ Так бичевали Иисуса Христа. — Прим. ред.

¹¹ Перевод с сербского языка, сделанного Мирославом Мирковичем. См.: *Livije T. Istorija Rima od osnivanja grada*. Beograd, SKZ, 1991. Str. 32.

¹² Ликтор в руках держит *fasces* — сноп от прутья с топором в середине как символ верховной власти. Цицерон сообщает, что почти 150 лет спустя *Publius Valerius* называемый *Publicola* (в переводе «друг народа»; *Publicola* — это монета, возникшая из *ropulus* (народ) и *colo* (заботиться, делать добро, обслуживать), О Республике, II, 31) параллельно с «введением» права на воззвание приказывает удалить топор от снопа. Дионис из Галикарнаса

совет царя Туллуса Гостилия, мягкого толкователя закона (*clemente legis interprete*), изъяснил:

*Provoco. Ita provocatione certatum ad populum est*¹³.

Не переводится.

Кажется, нельзя каким-то другим словом повторить эффект и необычную перформативность этого действия. Но если более двух тысяч лет это — первое слово в латинском языке, и оно только повторяется или варьируется, и слово выгравировано на динарии (*provoco* — «я

пишет более подробно: «Чтобы дать народу определенную гарантию своей свободы, Publicola отводит топоры от *fascēs*. <...> Он также вводит законы в интересе народа и один из них гласит так: Если магистрат (*arhon*) осудит одного гражданина на смерть или его бичевание, или заставляет его заплатить штраф, этот человек может вызвать магистрата (*prokaleistai ten arhen*) в суд народа». *Rimske starine*. Knjiga V. 19. 2–3. В латинском переводе эта последняя часть гласит: *licere privato homini a magistratu ad populi iudicium provocare*.

¹³ Народ тогда поверит в длинную и потрясающую речь отца Горация и его сестры. Его слезы сделают так, чтобы народ немного облегчил суровое наказание, и жизнь Горация будет сохранена. Слово *provoco* по-французски переводится по-разному. «Je fais appel»; «j'en appel» — это *общие решения*. *Live T. Histoire romaine*. Tome I. Livre I. Paris, Les Belles Lettres, 1947. 1. 23–26. Pp. 41–43. В латинском призыв / «appello» принадлежит более поздним временам (императорским) и относится к институции «appellatio». Также обозначает жалобу на решение нижней инстанции и призыв к рассмотрению решения в более высокой инстанции. Это не относится исключительно к случаям вины, как *provocatio*. *Ius provocatio* была удалена, а затем и частично сохранена в *ius appellatio*. О частичной и неполной замене *provocatio appellatio* рассуждает P. Garnsey в тексте *The Lex Iulia and Appeal under the Empire* (*The Journal of Roman Studies*. Vol. 56. 1–2. 1966. P. 170).

Корнель в своей драме не занимался этим сегментом Ливиевского свидетельства и арестом Горация.

провоцирую»), все, что делаем с тех пор мы — это повторяем воззвание, эвоцирование Горациевского процесса. Не более того. Когда я произнесу *provoco* или скажу «провоцирую» («я (вас) провоцирую»), считаю, что это слово будет продолжать работать, и в нем всё еще будет звучать прежняя сила. Хотя потребность что-то перевести или «сделать по-нашему» («обнародовать»), полностью забыв оригинал, совсем недавняя, в этом случае она необходима и безоговорочна. Мы должны забыть *provocatio*, чтобы случилось *provocatio*. Это привнесение или вызов. Чтобы народ услышал нас, как услышал Горация, и мы могли выступить перед народом и объясниться, мы сначала должны огласить и воззвать. Речь не идет о призыве на языке, понятном нашему народу, но о воззвании, которое как таковое передается и через которое народ (не этот или тот народ, а *народ*) призывается и выводится на площади и улицы и идет нам навстречу, на поручительство и помощь¹⁴.

Правильно перевести это слово Горация сегодня будет означать передать смыслы ошибочно (неправильно). *Provoco* — это не «провоцирую», не «апеллирую» или «зову», как Тит Ливий переводится на разные языки уже длительное время. Когда говорится «апеллирую» (*der Apell, apello, appeal* и т. д.), тогда *provoco* Горация сразу подвергнуто включению в другую институцию (*appellatio*), которая сегодня будет приближительной «заменой» провокации и *права на провокацию*. Но в апеллировании или призывании уже решительно закреплено право на отзыв, отклик, возврат, непослушание и оглашенность. Является ли противоположно этому провокация безусловной?

¹⁴ Овидий силу и бесценность суда *народа* показывает в конце первой элегии поэмы *Tristia* (книга III): «О, руки народа, примите мою поэзию» (*sumite plebeiae carmina nostra manus*).

Действительно, я мог бы пригласить вас, апеллировать к вам прийти завтра снова, но тогда, в тот же момент, я был бы больше в области того, что Эмерсон называет *инструкцией*, а не провокацией. Но если бы я в каком-либо случае апеллировал к вам совсем не приходите завтра, совсем не выходите из ваших домов, не выходите на небезопасные улицы и быть «у себя», парадоксально, но тогда больше шансов, что вы послушаете и выслушаете меня. Чистая инструкция — «апеллирую к вам остаться в ваших домах» — станет совсем провокационной и обязательной, потому что идиома «опасность на улицах» будет звучать как подстрекательство к поиску *страха в вас самих*, и так вы ответите на мой вызов. Это не значит просто, что эмоции легче найти в себе, чем «потребность» быть проинструктированным в знании о провокации, как говорит Эмерсон (“What he announces, I must find (...) in me”), но, что степень единства и равенства перед опасностью легко устанавливается тем, что каждый «сам за себя» будет скрываться и беречься. Этот факт (сегодня это действительно факт), что каждый остерегается, заботится о себе, на самом деле это — новая инструкция, новое приказание, властная команда (*imperium* — это слово, которое использовали в Риме), которая является «подставой» и предшествует любой новой опасности и новому вызову.

Случай Горация иной. Гораций одинок в опасности и кричит, дает знать о том, где он находится, и настаивает на том, чтобы народ вышел вон (наружу) и за стены своих домов, чтобы затем мы пошли навстречу друг другу. Конечно, дух Эмерсона и здесь в действии. Реакцию граждан Рима, наверно, можно объяснить большим чувством долга помогать другому или *a priori* отдачи преимущества слабому перед сильным, или именно страхом оказаться завтра в той же ситу-

ации что и Гораций (согрешить и молить о помощи). Мне кажется, что необходимо рассчитывать ещё на две вещи и всегда возвращаться к ним снова: во-первых, народ всегда не верит ни во власть, ни в опасность, и, во-вторых, опасность, в которой находится Гораций, или опасность, с которой мы все можем столкнуться, например, из-за Горация и подобных ему, отменяется выходом на улицы и изменением общественного пространства самим народом (многими или всеми).

Я сказал бы, что народ принципиально не доверяет власти и потому торопится на защиту убийцы Горация. Это не значит, что элементарное и латентное неприятие авторитета и власти¹⁵, как наличие безупречного слуха для демократии, которая всегда на пути и на подходе, должны смешиваться здесь с оказанием безоговорочной поддержки преступнику или предателю того же народа. Идея гораздо более опасна для лживого правительства и лицемерной элиты, и в этом надо искать происхождение опасного мнения или пугала, которое циркулирует в последние десятилетия, а именно, что институция *ius provocationis* никогда даже не существовала, что она существует только в головах Ливия и Цицерона, что она не является никакой демократической “*patrona civitatis*” Цицерона, а также ни *principium iustissimae libertatis (unicum praesidium libertatis)* Ливия, что *provocatio* — мертвая буква на бумаге¹⁶ и в ней есть что-то определенно платоническое¹⁷. Народ просто

¹⁵ «У народа есть только один опасный враг, это его власть (правительство)» (*Un peuple n'a qu'un ennemi dangereux; c'est son gouvernement*). *Saint-Just L. A. Rapport sur la nécessité de déclarer le gouvernement révolutionnaire jusqu'à la paix*. 1793.

¹⁶ *Garnsey P. The Lex Iulia and Appeal under the Empire*. P. 187.

¹⁷ *Kunkel W. Untersuchungen zur Entwicklung des römischen Kriminalverfahrens in vorsullanischer Zeit*. S. 131.

отменяет мандат, выданный тому, кто хочет во имя народа справляться с одной частью его самого же, кто жесток, кто не прощает и не хранит жизнь каждого и многих¹⁸.

(...) *Si a duoviris provocarit, provocatione certato* (если или в случае когда обвиняемый призовет (народ) против *duoviris*, получит провокацию, дебаты перед народом).

Provoco. Ita provocatione certatum ad populum est (Призываю. И воззвание было взыскано перед народом)¹⁹.

Сразу же очень сжато и предварительно сделаю набросок этих двух видений, двух форм, двух направлений и, возможно, двух теорий провокации в одной. Заодно постараюсь дальше не разделять их и не упразднить одно в пользу другого.

Как всегда, слух является предметом спора. А именно мы не знаем точно и не до конца ясно, где заканчивается восклицание Горация, которое вырезано на динарии. Кажется, адресату надо определять и прокладывать расстояние между *provoco* и *provocatio*. Дилемма или трилемма, возможно, тривиальная, но так или иначе нюансированная и состоит в неясном статусе субъекта, который является подставкой перформативности *provoco* на пути к институции, на пути к *provocatio*. На основе чьего слуха клич *provoco* становится перформативным²⁰, успешным и определяет про-

¹⁸ «<...> основная идея, правящая этой процедурой — не репрессия процесса, а прощение (*Verzeihung*)». *Mommsen T. Römisches Strafrecht. S. 477.*

¹⁹ «<...> if he shall appeal from the duumvirs, let the appeal be tried. <...> “I appeal!” And so the appeal was tried before the people”. *Livy T. Books I. London-Cambridge, W. Heinemann. 1939. P. 93.*

²⁰ Слово *provoco* существует в настоящем времени, что и обеспечивает перформативность, а потом и «выполняет» провокационный акт. В прошедшем времени нет ни провокаций, ни перформатива. Поэтому перевод этого слова подразумевает два

вокацию? Имеют ли уши властей (магистратов и ликторов) преимущество в «субъективизации» над ушами народа (на динарии нет «народа» и на динарии не обозначены те, кого восклицание *provoco* мобилизует, которые держат динарий и платят им, или те, которые анализируют его сейчас)?

Восклицание *provoco* адресовано народу, которому надо выйти, прийти и появиться, чтобы ассистировать в повторном рассмотрении и пересмотре приговора суда. Восклицание направлено тем, которые отсутствуют и не присутствуют на месте спора (конфликта) и ареста²¹.

Восклицание *provoco* адресовано магистрату (следовательно «противнику»²²) как вызов на новый поединок, который должен состояться перед одной полностью иной

местоимения в начале и в конце: я провоцирую (призываю) тебя, вас или их. См.: *Derrida J. Provocation: Forewords, Without Alibi. Ed. P. Kamuf. University of Stanford Press, 2002.* Около тридцати строк, посвященных провокации, находятся на странице XV и в сноске на странице 281 (Манускрипт на французском языке (*La Provocation*), р. 1). Мой текст следовал смыслу и индикациям, перечисленным в этой миниатюре.

²¹ Эндрю Линтотт это воззвание сравнивает и балансирует с призывом “Ad arma!” (К оружию!), который появляется несколько раз у Ливия. Оба возвания обрамляет *чрезвычайная ситуация*, а разделяет *poterium*, граница города. *Lintott A. Violence, Civil Strife and Revolution in the Classical City. 750–330 BC. London-Canberra, Croom Helm, 1982. P. 22.* Линтотт отдает предпочтение этому направлению слова *provoco*. См.: *From the Struggle of the Orders to the Principate. Chapter III. The Meaning of the Word Provocatio, Provocatio. P. 232–233.*

²² Дункан Клауд так понимает связь *provoco* и *provocatio*. *Cloud D. The Origin of Provocatio. Revue de Philologie. 1998. Vol. 72. 1. Pp. 27–28; 33.* Клауд аргументирует не только в пользу версии, которая *provoco* понимает как соревнование перед народом (в присутствии народа) и против магистрата (*ad populum provocare* meant *provocare* “in the presence of the people”, not “to the people”, р. 44), но уменьшает значение “exclamatory force” слова *provoco* (прежде всего предлога *pro*) (pp. 33–34).

инстанций (перед народом), потому что существует законное обязательство магистрата (или указание суверена) удовлетворить желание обвиняемого, если он выражает его публично и громко.

Прозываю. И зов был оглашён перед народом.

Мы еще не находимся в правовом поле, в *ius-e*, но уже сейчас можно предугадать одну рассудительную речь о законе или институции, которая именно в такой форме имеет будущее. Это Ливий мастерски замечает, и его рассказ может быть прочитан не только как история необходимости ограничить власть суверена или власть элиты²³, но, прежде всего, как вековая напряженность, ужас и, в конце концов, трагедия перехода солдата в гражданина и, вероятно, наоборот, гражданина в воина. Как верховное наказание должно быть исполнено и на этой, и на той стороне стен и границ царства (*poterium*), также с *provocatio* с самых «законодательных» начал открывалась проблема с деятельностью внутри и вне города — в войне и в мире²⁴. Но это ещё не все.

²³ В *Философии истории* Гегель следующим образом описывает «провокацию народа» (*die Provokation ans Volk*): «Плебс достиг провокации народа: при каждом главном (или верховном) принуждении (*obrigkeitlichen Zwange*) осужденный мог апеллировать (*appellieren*) к решению народа; одна неизмеримо важная привилегия (*Vorrecht*) для плебса, которая особенно гневила государей». *Hegel G. W. F. Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte, Werke, Band 12. Frankfurt am Main, 1986. S. 366.*

²⁴ В армии, в войне и вне границ Рима право на *provocatio* не имело значения. См.: *Ciceron. O Zakonima, III, 3. O Republici, I. 40; Mommsen T. Römisches Strafrecht. S. 475, 478; Kunkel W. Römische Rechtsgeschichte. Eine Einführung, Köln, Böhlau Verlag, 1972. S. 24–26.* Однако есть один короткий период в начале первого века, когда право на провокацию действовало в провинциях, поэтому возможно, что это различие между гражданскими и военными доменами одно время было поставлено на второй план. На это

Создание сообщества на основе победоносной войны проводило границы (и одновременно стирало их самым жестоким способом) между частным и государственным, семьёй и сообществом, между семьями, между полами и родовыми границами, между братьями и сестрами, братом и сестрой, между одним и всеми другими и т. д. Однако только всё, что систематически игнорировалось в свидетельствах, таких как в случае Ливия, которые на протяжении веков не были проанализированы и эксплицированы, парадоксально подстрекало кровавый театр и ослабляло силу голоса того, кто произносил наше волшебное слово *provoco*.

Сказав это, в то же время исследуя происхождение одной институции, силу и начало перехода вокатива в норму (в *ius*, в право), я вынужден сразу и одновременно регистрировать наиважнейшие элементы в процессе инаугурации этого учреждения, которые составят условие её падения.

Итак, спрашиваю я себя, и в то же время зову на помощь *provoco*.

Почему институция *provocatio* исчезла с окончанием Республики, примерно в те же десятилетия, когда она в последний раз и эвоцируется: здесь, на этой монетке или с первыми великими мыслителями, такими как Ливий и Цицерон?

В какой мере империя и имперское влияли на эволюцию, префигурацию и маскировку *provocatio*, и каким образом была минимизирована радикальность этой идеи? Как потеряна и удалена институция, через

указывает Цицерон. См.: *Propovedi Verrinae II, knjiga V. 158–168.* Самым большим доказательством этого предположения может быть именно *динарий Лаеки Порция*, поскольку, вероятно, отображает встречу одетых в форму лиц и гражданина. См.: *Oakley S. P. A Commentary on Livy Books VI–X. P. 132.*

которую вероятно первый раз в истории тематизировано это вечное и мучительное усилие и сопротивление смертной казни?

Как клич на помощь, воззвание к тому, кто не присутствует, зов другого, который не отвечает, призыв, а затем и право на обсуждение в совсем другой инстанции трансформированы сначала в «провокацию» как вызов на дуэль и поединок, а потом в «провокационное» как атрибут, но также и синоним чего-то оскорбительного, вульгарного, отвратительного или шокирующего?

Если провозглашаем статус и силу восклицания и заявления *provoco*, можно ли этим растворить или даже потрясти поле права (*ius*), а потом создать или обновить простор для *переворота*?

Как можно одним воззванием, одним словом снова остановить силу руки ликтора или магистрата? Каким способом одно слово остановит силу закона?²⁵

Все эти вопросы, имплицитно или эксплицитно, уже содержатся в рассказе о Горации. Ответы будут более сложными, но мне кажется, что несколько показателей очень легко выделить и их условно можно уже сейчас сформулировать как преамбулу каждой будущей *provocatio*.

Я бы предварительно исключил два периода, полностью не важных для рассказа о Горации и о вокативе: первый — это война, в которой участвует Гораций

²⁵ Этот вопрос может быть оправдан потому, что сила закона в Республике представляется как сила его *голосовой мощи*. Закон начинает говорить или молчит, или переносится голосом. «Поскольку законы владеют магистратами, магистраты владеют народом, — пишет Цицерон, — действительно можно сказать, что магистрат — закон, который говорит (*magistratum legem esse loquentem*), закон — это тихий магистрат (*legem autem mutum magistratum*)». *Cicero. O Zakonima. 3, 2.*

(имею в виду врагов, его хитрость в борьбе с ними, о которой писал Корнель, его силу и победу); второй период — это поле, в котором уже так или иначе сформировано правовое пространство. Здесь я имею в виду реализацию одного, в начале очень *слабого голоса*, который вопиёт о помощи и зовёт другого (следовательно, вокатива в широчайшем смысле), или инкорпорирование воззвания к народу и обращения к народу, то есть переход одного призыва (*provoco*) в норму (переход *de facto* в *de iure*).

Значит, на данный момент нас не интересует идеальный призыв или идеальное *provoco*, которое мы находим на этой монетке, со всеми резервами, осложнениями и полемиками, связанными с *ius provocatio*, которые я уже упомянул. Еще раз, *provoco* в рамках *ius provocatio* в Римской Республике от 300 года (*Lex Valeria*) до, скажем, краха Республики, представляла бы следующее:

...когда эта фигура в тоге, на левой стороне сцены, произнесет слово *provoco*, в тот же момент магистрат или ликтор, или какая-либо другая «власть», которой необходимо выполнить любое принудительное действие, должна остановиться сразу. Придумайте какое хотите гнусное преступление, подумайте, что преступник именно эта фигура на левой стороне сцены, «науськайте» ликтора двинуться к нему (или отправьте армию ликторов, заблокируйте улицу, квартал или город), если та фигура в тоге или любой человек в бегстве произнесет слово *provoco*, рука ликтора должна будет остановиться. Противоположно тому, если рука в силу случая не остановится, будет преследоваться по закону именно тот «стражник» (или судья), который не сдержался и позволил себе быть спровоцированным. Он тот, кто нарушил *ius provocationis*, и в некоторых случаях может и сам вскоре будет вынужден ссылаться на этот же институт, который он изначально не уважал.

В своей третьей книге «Истории Рима» Ливий напоминает один фантастический случай ареста Апия, бывшего очень ненавистного правителя и гадкого маленького тирана (народ помнит его потому, что он вечно был окружен телохранителями (*cum ipsum sattellitesque eius uidissent*), как говорит Ливий). Он был известен самовольными арестами и теперь попался, а его обвиняет и арестовывает известный Виргиний (Virginius). Его имя говорит всё о нем. После короткой речи Виргиния, которая начинается предложением, что элоквенция (*oratio*) создана для сомнительных случаев, и всё в связи с Апием совсем ясно, а после комментария Ливия, что ни один суд, ни народ, ни любая существующая инстанция не может помочь такому персонажу, начинается арест. Когда он произносит слово *Provoco*, слово, которое в тот же момент позволяло ему остаться свободным («защитить свободу», как это говорится в поговорке), на переполненной народом площади установилась чудесная тишина. Потом начался переполох и бормотание, говорит далее Ливий, потому что народу было не ясно, как Апий после всего может посметь искать помощь у того же народа. Ливий пишет:

Возвал тот, кто разрушитель призыва (*proiucare qui proiucationem sustulisset*). Умоляет о поддержке (защите) народа (*implorare praesidium populi*) тот, кто нарушил все народные права (*qui omnia iura populi obrisset*)²⁶.

Хотя упоминаются некоторые случаи, когда народ не откликнулся на некоторые позывы, которые ему были направлены, что иногда, *de facto*, люди, находящиеся рядом, не приходили на помощь арестованному, и *de*

²⁶ Live T. Histoire romaine. Tome III, Livre III. Paris, Les Belles Lettres, 1942. 3, 56. Pp. 86–87.

iure не проводилось «народное рассмотрение»²⁷ случая, в котором кто-то «обращался к народу», более вероятно, что слухи о страшных преступниках и опасных прецедентах распространяли судьи и стражники²⁸.

Следовательно, чтобы кто-то был защищен этим правом, он должен не быть немым, знать это слово и громко и ясно его произнести (право, в некоторых случаях во время ареста позвать адвоката является одним из чахлах вариантов *provocatio*). Чтобы кто-то был защищен этим правом, восклицанию *provoco* не нужно искать чьи-то уши вблизи, чтобы «народ» пришёл на помощь — достаточно только власти иметь слух, а ликтору не быть глухим и не игнорировать (не глушить) воззвание.

²⁷ «Рассмотрение» должно было осуществляться перед народными собраниями (*iudicia populi*), которые существовали к началу второго века до нашей эры. С расширением Рима далеко вне границ старой Республики и превращением Рима в военную державу эти собрания исчезают, и вскоре они будут заменены постоянным уголовным судом присяжных заседателей, который, среди прочего, был надлежащим за все виды злоупотреблений магистрата.

²⁸ Эти доклады датируют от времени поздней Республики, когда магистраты начали систематически использовать оправдания, будто бы обвиняемый не употреблял это право, или будто бы магистраты использовали и просто «инсинуировали» решения сената об объявлении «врагом сообщества», который не был защищен правом на *provocatio*. То, что совсем точно — институция *врага народа и сообщества* коэкзистирует (сосуществует) с введением диктатуры, империи, военного и чрезвычайного положения. См.: Lintott A. Judicial reform and land reform in the Roman Republic. Cambridge University Press, 1992. Pp. 11; Lintott A. Violence in Republican Rome. Oxford, Clarendon Press, 1968. Pp. 161–168.

INVOCO

Мольба

Мы должны исследовать короткую карьеру мирного времени старого солдата Горация, в свете повествования Ливия, прежде чем его лицо соотнесем с фигурой, находящейся на левой стороне монетки. Попытаюсь сделать набросок условий одного будущего закона об *provocatio ad populum*, так что разложу силу слова *provoco*. Этот случай, повторяю, дважды попадает в одну эвентуальную «теорию провокации»: он одновременно и обещает её, и делает невозможной.

Обе Горациевы прогулки — первая, когда он как солдат-герой входит в Рим, увенчан славой и нагружен добычей; и вторая, последняя, в течение которой он с покрытой головой проходит через город и искупает вину, — связаны с его сестрой¹. У сестры нет имени. В системе реакций и ответов, призывов и вызовов мотив Горации² (или Камиллы, как её именуется Корнель)³

¹ Первую прогулку прерывает сестра, узнав на брате униформу своего жениха и орнаменты, которые собственноручно сделала. Последние страдания и муки Горация народ навсегда обозначил и назвал в честь его сестры (*sororium tigillum uocant*).

² Некоторые переводчики и комментаторы латинского языка облегчают себе и читателям работу, именуя сестру бессмысленным производным «Горация».

³ *Camillus* и *camilla* — латинские существительные для мальчиков и девочек, принадлежавших римской элите, и которые

наброситься на брата, после того как она понимает, что её жених убит, Ливий преображает в её припоминание, зазывание (*evocatio*) и призывание (*invocatio*) мёртвого жениха:

(...) она (сестра) зовёт (повторяет) имя своего мёртвого жениха /*nomine sponsum mortuum appellat*/⁴.

Провокация так перенесена на совсем противоположную сторону. К брату не обратились и он не позван (наоборот), но чувствует себя призванным, вызванным, гневным, яростным, и, наконец, он становится убийцей (тем, кто будет «удовлетворять» сестринскому желанию и «соединит её» с её любовью). Пока он мечом разрезает её на куски, он воеет, оскорбляет её и публично угрожает:

Исчезни тогда со своей скандальной любовью! Присоединись к своему жениху, ты, которая забыла своих братьев, мёртвых и [меня] живого (*inquit, oblita fratrum mortuorum uiuique*), ты, которая забыла свое отечество (*oblita patriae*). Так умрет каждая [любая] римлянка, которая будет оплакивать врага! (*sic eat quaecumque Romana lugebit hostem*)⁵.

Этот «живой», которого упоминает Гораций, он сам.

Корнель деконструирует эту короткую сцену, прежде всего усиливая сестринские подстрекания и поддразнивания брата. В четвертом акте (сцена 5) Камилла в нескольких длинных монологах называет брата

жрецы выбирали, чтобы им помочь в течение жертвенных обрядов и инициаций.

⁴ В латинском слове *appellatio* следовало бы сохранить силу греческого термина *kalein*, которое одновременно и упоминает имени (именование), и зазывание (призывание) кого-то. См.: *Chrétien J.-L. L'appel et la réponse*. Paris, Les éditions de minuit. 1992. Pp. 16–25.

⁵ *Live T. Histoire romain*. Tome I, Livre I. Pp. 40–41.

варваром, насмехается над ним, открыто плюёт на Рим (отечество) и выражает ненависть к нему, потому что из-за этого Рима потеряла возлюбленного. Гораций более-менее произнесёт все то, что существует в тексте Тита Ливия⁶, за исключением того, что убийство разыгрывается за кулисами (*derrière le théâtre*). Корнель представил, что в последнем эпизоде, в котором целиком завершается пятая сцена, Гораций на сцене, возвращаясь с кровавым мечом, произносит свою угрозу, пока параллельно, за занавесом, Камилла испускает душу, и одним единственным словом предуведомляет дальнейшее течение действия. Итак, одновременно:

Г о р а ц и й: Так получит наказание сразу та, которая осмелится оплакивать римского врага (*ainsi reçoit un châtimeut soudain, quiconque ose pleurer un ennemi romain*);
К а м и л л а: Ах! Предатель! (*Ah! Traître!*)⁷.

Женщина — это голос или, лучше, женщина — это чистый вокатив. Чистый *возглас*. Не голос как призыв (*voco*), ни вызов или взывание (*provoco*), а вокатив, *возглас*, которому даже запрещено явно назвать и позвать другого. И Ливий, и Корнель очень точно обозначивают это запрещение. Во-первых, мы не знаем имя её жениха, которого она зовёт по имени: в тексте Ливия всегда появляются враги, три Куриация или три Альбинянина (*tres Curiatii; tria Albana*). В то же время нам дано знать, что его имя знает Гораций, слышит его, и этот призыв сестрой мёртвого особенно ожесточает его. Во-вторых, когда она за сценой воскликнет последние слова «Ах! Предатель!» (*Ah! Traître!*), то задача её воз-

⁶ Корнель вписывает свои предложения в христианский контекст. Например: “Va dedans les enfers plaindre ton Curiaace!” *Corneille. Oeuvres complètes*. P. 887.

⁷ *Ibid*, p. 888.

гласа — разоблачение угрозы брата, охотника за предательницами. Вместо того чтобы сестра имела имя, чтобы занимались её «предательством», воровством героя и следов войны, миром как сведением счётов с мертвым врагом; вместо того чтобы она была названа «предательницей», и сразу в начале найти какое-нибудь назначение в одном возможном *provocatio* и праве женщины произнести *provoco*⁸ — «женщина» потеряна в «сестре» (в роли сестры) и исключена в её собственном возгласе (вокативе). В отличие от Ливия, единственное, что Корнель допускает, есть её прямая речь, которая фактически является её откровенной провокацией или *proklesis*, адресованной брату. Однако результат, мне кажется, в обоих случаях одинаково пагубный для истинного «источника» или *голоса* (*vox*) *провокации*. А именно: оба автора лишают нас тематизации вокатива внутри провокации, или того что бы, наверное, в другом контексте можно было бы назвать тематизацией одной «методической провокации» (*une provocation méthodique*)⁹. И Ливий, и Корнель заинтересованы в том, чтобы сестринское раздражение, стимулирование, натравливание брата как можно скорее достигло цели.

Конечно, меч — преходящая цель. Но убийство с *провокацией* (убийство, которое спровоцировано,

⁸ Женщина не имела права на *provocatio*. “Berechtigt zur Provocation ist der römische Mann. Die römische Frau ist nach älterem Recht ausgeschlossen, späterhin wenigstens bei Multklagen zugelassen”. *Mommsen T. Römisches Strafrecht*. S. 475.

⁹ *Derrida J. Points de suspension. Entretien*. Paris, Galilée, 1992. P. 251. “Une provocation est toujours quelque peu “vocal”, comme on dirait en anglais, décidée à se faire entendre, sonore et bruyante. Les provocations les plus inventives devraient ne pas l’être, *vocal*, mais c’est difficile à éviter”. *Derrida J. Provocation: Forewords*, рукопись на французском языке (“La Provocation”). P. 1. Благодарю Пегги Камуф (Peggy Kamuf) за то, что позволила мне консультировать этот текст.

убийство, которому предшествовала провокация) будет действовать перед судом народа в качестве отличного алиби Горация. Так возглас женщины (той, которая любит и вызывает любимого) очень преждевременно закончится в преступлении брата, который должен быть помилован по двум ключевым причинам: потому, что был страшно расстроен, когда убил (ответственность уменьшена, так как он был спровоцирован), и потому, что убил сестру, а не гражданина¹⁰, и тем доказал способность жертвовать жизнью своих самых близких людей ради Родины.

Еще раз: что же мы получили, а что, может быть, навсегда потеряли в этом эпизоде с Горациевой анонимной сестрой, образ которой пережил множество реконструкций до сегодняшнего дня? Так, является ли число реконструкций следствием бедного инвентаря, который веками повторяется, или, с другой стороны, реконструкцию диктует исключительно число прошлых войн? «Горациев путь» всегда лежит между войском и молвой, представляет один вид настроений сообщества, только что вышедшего из войны. Сообщество создают исключительно воззвания и ответы, пока будущее того же самого сообщества будет направляться определенной систематикой правильных или ожидаемых реакций.

Когда я сказал о том, что сестра находится в начале и в конце «пути Горация», это тоже была *провокация*. Тит Ливий (и не только он) своим пером исключил жену и любовницу, а Гораций в этом эпизоде мечом элиминировал сестру. Думаю, что одиночество победи-

¹⁰ Женщина в Древнем Риме пользовалась большими правами, чем в Древней Греции, но также не обладала статусом и правами «гражданина». При этом Гораций опять нарушил институцию “*homo sacer*”, присвоив *прерогативу отца* наказания кровных родственников. — *Прим. ред.*

теля Горация — в начале и в конце этого слишком тяжёлого пути; Горация, который стал символом славы и свидетельством того драматического поворота от военного восклицания и нервного патриотизма до права (*ius*), — фактически можно трактовать как пролог и введение в новую войну.

Так что же мы получили на этом первом этапе позиционирования вокатива внутри провокации? Является ли построение (и одновременно разложение) одной наррации, одной увлекательной легенды, в полной соразмерности с созданием и преобразованием такого хрупкого сообщества, только что вышедшего из войны и всегда готового к новой войне?

И главный вопрос: как государство разлагается, разбивается и вновь составляется, учреждается?

Между двумя Горациевыми применениями меча¹¹ царь Туллул (Tullus) приказывает, чтобы народ и дальше оставался вооружённым на случай новой опасности и новой войны. Герой и солдат, но также и суверен на ниве славы и почета, Гораций — *evocator* (*evocatoris*, тот, который призывает к оружию) в двойном смысле: он провозглашает победу, показывая награбленную военную добычу, делает себя важным и удерживает внимание толпы (это призыв к мобилизации) и одновременно вносит в своё нестабильное общество символы врага, которые действуют как катализатор и приманка (как шпоры или капсюль). Это первая провокация и первый призыв на ответ. Цель Горация — вызвать и инициировать очищение,

¹¹ Мы должны напомнить, что жестокое убийство сестры находится в тени убийства её жениха, которое означало победу Рима, и из-за чего Гораций был увенчан в городе возгласами радости: Гораций, говорит Ливий, приставил меч к горлу противника, заколол его, а потом и ограбил (обесчестил [*iacentem spoliat*]).

катарсис и единственность сообщества, внося в него чужой и абсолютно не перевариваемый элемент¹². Это начало, которое должно быть вскоре подтверждено в убийстве и в призыве к «охоте на ведьм»:

¹² Враг (без разницы, внутренний или внешний) является первой провокацией для единого сообщества — яд и лекарство одновременно. Главную характеристику *принципа врага*, который в контексте нас сейчас интересует, показывает Гегель, когда сравнивает его с тем, что невозможно ассимилировать, и тем, что неперевариваемо. В §373 *Энциклопедии* (как и в приложении и комментарии) Гегель пишет о болезни целостного организма, о лекарстве, о гомеопатическом лечении и о важности очищения (рвота, потоотделение, кал) для здоровья и цельности организма.

«Лекарственное средство (*Heilmittel*) возбуждает организм (*erregt den Organismus*) отменить особое возбуждение (*die besondere Erregung*), в котором фиксированна формальная деятельность цельности (*Ganzen*). <...> Основная точка зрения (*Der Hauptgesichtspunkt*) как следует рассматривать лекарства (*Arzneimittel*) заключается в том, что они есть что-то неперевариваемое (*Unverdauliches*). <...> Лекарства (*Arzneimittel*) в том смысле являются негативными раздражениями, ядами (*negative Reize, Gifte*); что-то, что возбуждает, но что одновременно неперевариваемое (*ein Erregendes und zugleich Unverdauliches*), болезнь в себе отчужденного организма предлагается как для него что-то внешнее, что чуждо ему, против чего он должен себя собрать и вступить в процесс, которым снова приходит к самочувствию и своей субъективности (*durch den er zum Selbstgefühl und zu seiner Subjektivität wieder gelange*)». *Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse Werke*. Band 9. S. 529–530. Редактор этого сочинения, Карл Мишле (Karl Ludwig Michelet), в примечании к этому параграфу добавляет, что внешнего врага (*äusserer Feind*) гораздо легче победить (*überwunden werden*), чем внутреннего (*innere Feind*). *Hegel G. W. F. System der Philosophie, Sämtliche Werke*. Band 9, Zweite Teil. *Naturphilosophie, mit einer Vorwort von K. L. Michelet*. Stuttgart, 1965. S. 712). Функция лекарства (прежде всего гомеопатии), которое вводится извне в организм как что-то неорганическое, состоит в том, чтобы спровоцировать больной и разлаженный организм противостоять болезни. В этом сопротивлении организм объединяется, отторгая чужеродную материю (через кал) и выбрасывая, вероятно, еще какую-то «свою» ядовитую часть, как главное изначальное препятствие своему единству.

Так умрет каждая (любая) римлянка, которая будет оплакивать врага (*sic eat quaecumque Romana lugebit hostem!*)!

Римлянка, которая умерла, воздействует как жертва, отход, отброс и кал сообщества в становлении. Угроза, которая произнесена — это новый вызов, чтобы призвать то, что скрыто и спрятано в неопределенном царстве.

«Военная добыча», знак и эффект насилия *par excellence*, порождает новое насилие. Горациево действие легко распознать как один из обычных рецептов для «вымывания» или «клизтирования» существующего порядка путем *провозглашения врага*. Даже сегодня легко об этом свидетельствовать: та комбинация между установлением одного сообщества (суверенность) и рефлексией о предательницах (предательница — это «идеальная ведьма», очевидно близкая Бодену и его спектакулятивной теории о суверене и ведьме). Новинка в том, что суверен/герой, а не какая-то меньшая или большая заговорщицкая часть народа, «вводит» *символ врага* в сообщество. У Платона в «*Государстве*» находим в известной мере извращенную, но более софистицированную концепцию:

И как в болезненном теле достаточно и малейшего подстрекательства снаружи, чтобы заболеть, и как иногда и без того во всем теле пылает раздор (*stasiaksei*), так и в полисе (*polis*), который в том же состоянии, как и то тело, будет достаточным и самый незначительный повод, — помощь одного олигархического режима, который призвала одна часть граждан, или какого-то демократического правления, которое провозгласила другая часть граждан, — чтобы заболеть и начать борьбу (*mahetai*) с самим собой, пока порой и без какой-то внешней причины придет к внутреннему раздору (*stasiaksei*)¹³.

¹³ *Platon. Država*. 557 e. Моя конструкция перевода на основе нескольких разных версий.

Платон не использует слово *призыв* («призыв граждан»). «Призыв» — слишком мягкая опция. Платон имеет в виду союз, целостную конфигурацию объединения одной части полиса с другим полисом, что может изменить структуру собственного гражданского сообщества и принести распад.

В противоположность этому Ливий, в случае Горациевого возвращения с войны, открывает нам нечто бесконечно *простое*. Его предательство («Ах! Предатель!» *Ah! Traître!*) состоит не только в убийстве сестры, суверенных играх, жестоком обращении к городу и разделении справедливости на основании своих заслуг и своего военного успеха. Предательство начинается уже во ведении войны, во встрече с абсолютно другим и в выживании. То — что-то совсем другое, что вводит меня в пространство, в котором я не могу быть уверен, следуя порядку смыслов провокационного. Я всё ещё уверен, что источник отвращения, следующей ступени в освоении *provocatio*, отвращения, которое Гораций выражает во встрече с сестринским жалением, проникнут неясным опытом, пришедшим с той стороны городских стен.

Исчезни тогда со своей скандальной любовью! Присоединись к своему жениху, ты, которая забыла своих братьев, мертвых и живого (*inquit, oblita fratrum mortuorum uiuique*), ты, которая забыла своё отечество (*oblita patriae*).

Ливий несколькими Горациевыми фразами показал, что *успешная провокация* открывает *отвращение* как реакцию, а затем и ругательства, насилие и угрозы как ответ на неё. Гораций убивает потому, что от сестры его тошнит. Или, другими словами, «Гораций-город», Гораций-суверен, идентифицирован-

ный с городом и сообществом, *рвёт* сестрой и элиминирует её. «Рвота» не является простой метафорой в этом контексте. «Рвота», как и в Гегелевском тексте о здоровом организме или здоровом сообществе, не действует исключительно как аналогия или контр-аналогия. «Рвота», как операция и практика, удовлетворяет нескольким условиям воображаемого регистра провокации:

Во-первых, термин “provocation” в различных словарях французского или английского языков XVII и XVIII веков объясняется, между прочим, словом рвота (на латыни *vomire* или *vomere*). Обычным примером предложений является “Il a vomis sans (aucune) provocation” (он вырвал без каких-либо провокаций, позывов)¹⁴.

Во-вторых, рвота принадлежит семейству тех практик (определим их как «гадки», «ненавистные» или «отвратительные»; в этом месте напоминаю о слове *Hässlich* из названия книги *Ästhetik des Hässlichen* от 1853 года Карла Розенкранца, гегелевского биографа), которые вызывают (провоцируют) и которые отметили, тем или иным

¹⁴ Это предложение появляется в первом издании Dictionnaire de l'Académie française (1694), потом в Dictionnaire critique de la langue française, под редакцией Jean-François Féraud (1787–1788), а также и в Littré-e (Littré был врачом и историком медицины, но это не основная причина, почему в своем словаре оставил такое положение). Ср.: *Arrivé M.* Provoquer, provocation, provo(cateur): modeste essai d'analyse lexicale (презентация с коллоквиума в Нанси, декабрь 2003 г.; Manuskript, p. 8). Интересно, что рвота понимается как явление, которое *a priori* вызвано чем-то другим или самовызванно (также чем-то другим). Рвота не спонтанна и не автоматична, но вызвана — спровоцирована. «Рву, потому что...»: когда нет причин, и рвота ничем не провоцируется, а случается, и тогда является провокационной и вызывает отвращение (рвота определенно вызывает повторную рвоту и чувствительность, и отвращение к звуку, который её сопровождает и вызывает, что объясняется защитной реакцией от испорченной и отравленной еды).

образом, историю искусства и историю провокаций в последние десятилетия¹⁵.

В-третьих, слово «рвота» на этом языке полностью соответствует «понятию» провокации: обозначает внутренний ответ на то, что является внешним; обозначает рефлекс (отвращение) на некоторое внешнее раздражение; реакцию полностью несимметричную¹⁶ и всегда

¹⁵ Аузел Кольнаи (Aurel Kolnai) отличает сексуальные практики от гастрорегионов (*gastrische Gebiet*) и гастрореакций на раздражение, которое приходит извне. “Der Ekel”, Jahrbuch für Philosophie für phänomenologische Forschung. Hrsg. E. Husserl. Band X. 1929. S. 152–153. Гастровариантами было, например, известное «Дерьмо художника» (*Merde d’artiste Piero Manzoni*): испражнения были упакованы в девяносто консервах и распространены в послевоенные годы в рамках художественного движения *L’Arte povera*. Или Артовская “La recherche de la fécalité” от 1948 года (отрывок из радиодрамы “Pour en finir avec le jugement de dieu”) который начинается стихами: «Там, где пахнет дерьмом, пахнет живым» (*Là où ça sent la merde, ça sent l’être*). Artud A. Oeuvres. Paris, Gallimard, 2004. P. 1644. Сексуальным «подстрекательством», возможно, принадлежит запущенное полотно Питера Хаусона (Peter Howson) от 1994 года под названием *Croatian and Muslim*, которое показывает изнасилование во время войны в Боснии. Под гастросексуальные оптики, вероятно, попадало бы гениальное объяснение «Привратника» господина Макдаффа из «Макбета» (II акт, сцена III) о трех вещах, которые провоцирует выпивка (three things does drink especially provoke): «<...> покраснение носа, сон и мочеиспускание. Похотливость, господин, оно и побуждает, и подавляет (*Lechery, sir, it provokes, and unprovokes*)». *Šekspir V. Sabrana dela*. Beograd, Službeni list, 1995. S. 1229.

¹⁶ “I have nothing to offer but one over plain and unexciting thesis of asymmetry between the fundamental types of emotional responses (or responses and reactions) to objects...”. Ссылаюсь здесь на вступительные слова текста “The Standard Modes of Aversion: Fear, Disgust and Hatred”, который Аузел Кольнаи писал, вероятно, в 1969 или 1970 году. Дэвид Виггинс (David Wiggins) и Бернард Уильямс (Bernard Williams) заслужили то, что текст появился первый раз в журнале: *Mind*. Vol. 107. No. 427. July 1998. P. 581. Текст переиздан в сборнике: *On Disgust*. Ed. B. Smith i C. Korsmeyer. Chicago, Open Court, 2004. P. 93.

более сильную, чем причина, потому что у неё всегда есть намерение преодолеть эту причину, которая её производит, и самой стать причиной (*causare*)¹⁷ некоторого (или чьего-то) будущего действия (на это метит провокация... цепь преувеличений и угроз не должна никогда разорваться).

Отважусь добавить еще один вектор и ещё одно поле, которое слово «рвота» предполагает и обозначает в одном тексте или внутри уникального события, в котором солдат, раздражённый и находящийся вне себя, разрывает мечом некий город и открывает его. Всё, что происходит и всё, что следует — это серия вызовов и вызываний другого, извлечений инаковости другого, призывания того, кто не отвечает, насильственное движение и открытие другого, и параллельно, и одновременно изменение сцен и задних планов (*derrière le théâtre*). Все формы элиминации и отрывания от одного энтитета¹⁸, которые не приводят к его полному уничтожению, остаются в этом порядке вращения, отвращения и переворачивания утробы. Это реперкуссия, отражение и отторжение ударов, и сила провокации.

Провокации — локомотивы истории этого сообщества и этой истории Тита Ливия.

Корнель пытается гораздо медленнее привести нас к результатам, которыми надо в своем наиважнейшем сегменте просто оправдать Горациево убийство. В мгновениях брутального вербализма Камилла вынуждает Горация произносить то, что он не думает (он

¹⁷ *Causari* на латинском языке значит инициирование тяжбы, процесса, т. е. несёт юридические коннотации.

¹⁸ Так обозначается в сербском языке этногосударственное образование внутри другого: Республика Сербская внутри общего государства Боснии и Герцеговины. — *Прим. ред.*

был предан своими собственными словами), и тогда, в конце, искать репарацию в использовании меча (*proklesis*)¹⁹.

И у первого, и у второго автора провокация начинается из-за определённого дисбаланса между акторами и заканчивается полной асимметрией и прерыванием каждого дальнейшего «выравнивания». Чтобы одно предложение было провокационным, ответ на него необходимо задержать и продлить его «провокационную» силу. Другими словами, ответ на провокацию обязательно должен быть больше, чем ответ. Ответ должен переусердствовать и нарушить порядок чередования в коммуникации. В конце концов, не существует никакого «ответа на провокацию». На провокацию объявляется забастовка, умолчание и бездействие. Эта фатальная не/ответственность при ответе на провокацию в суде всегда парадоксально будет представлять смягчающее обстоятельство²⁰.

¹⁹ Разговор Горация и Камиллы является классическим примером *proklesis* (“proclees” на английском языке. Ср.: *Peacham H. The Garden of Eloquence*. London, Harpercolins, 1983. (1577), p. 83. Интересно, что последние слова пятой сцены: «Ах! Предатель!», хотя и запоздалые (убийство уже произошло), почти повторяют *proklesis* в шекспировском «Кориолане». В сцене, в которой Кориолан изъясняется перед народом, Сициний «выводит его из себя» в аргументированной речи следующим предложением: “We charge you, that you have contrived to take from Rome all season’s office and to wind yourself into a power tyrannical; For which you are a traitor to the people”. Акт 3, сцена 3 (“season’s office” — это именно магистратский кабинет).

²⁰ Идиома “it attacks without provocation or warning” предполагает, напротив, существование атаки, которая может быть вызвана. Потеря само/контроля или спровоцированный гнев (*furor brevis*) может манифестироваться преступлением, которое затем требует разделенную или уменьшенную ответственность. В англосаксонском праве гораздо больше, чем в континентальном, продумана связь между провокацией и ответственностью. Ср.: *Horder J. Provocation and Responsibility*, глава 5 “The Rise of

Но чтобы одно предложение было провокационным, ответ никогда не будет сметь совсем покрыть и исключить призыв и уничтожить предложение. Именно это произошло в нашем случае. И Ливий, и Корнель в самом начале исследуют силу вокатива, возгласа и настаивают слух всех акторов. Проблема в том, что во имя слуха исключаются другие чувства и с большой скоростью уменьшается их число. Имею ввиду, конечно, и количество чувств, и количество акторов.

У Ливия сестра *призывает* жениха, незнакомца, мертвого, врага, другого... и *взывает* к богам. Нам надо всегда рассчитывать на значение жалости (плача, всхлипывания и причитания) в производстве призыва, в вызывании пропавших. Вероятно, что элегии и плач для тех, кто не присутствует (кто умер), со временем были преобразованы в процедуры и техники *вызывания призраков* (“*technique d’appel au fantôme*” или “*provocation des fantômes*”)²¹. Сестра не произносит слов «призываю», «взываю», «вызываю» или «помогите», «эй»... она позывом вообще не позиционирует свою угрозу и не боится за собственную *голую жизнь*. Она именует любимого, зовёт и повторяет призыв. Это вокатив, возглас. Это апостроф, обращение назад, в прошлое.

Loss of Self-Control”. Oxford, Clarendon Press, 1992. Pp. 72–81. В том же месте проблематизированное различие между Аристотелевским и Гоббсовским пониманием гнева (*akrasia*). Ср.: *Aristotel. Nikomahova Etika*. 1149a 24, 1152a 20–21. Также, *Aubenque P. La définition aristotélicienne de la colère*, *Revue philosophique de France et de étranger*, n. 147, 1956. Pp. 301–317; *Nussbaum M. Therapy of Desire*. Princeton University Press, 1996. Pp. 239–279, 402–438. На еврейском языке слова гнев *e’zab* или *eseb* и провокация, *kezef*, принадлежат одному семантическому полю и имеют один и тот же корень.

²¹ *Derrida J. Points de suspension. Entretiens*. P. 251. Также *Spectres de Marx*. Paris, Galilée, 1993. P. 232.

Напротив, псевдомагистрат или суверен Гораций не призван и отзывается, нарушает её право на скорбь, не предлагает ей прощения и судит её по норме как *homo sacer*²². Причина в том, что Гораций говорит в момент убийства, будто она забывчива: забыла правильное слово и не взывает по праву римлянки, достойной этого имени. Корнель пытается это исправить стилем и риторикой своей эпохи, но дискуссия Камиллы с Горацием ничего существенно не изменит.

Попытка установить норму исключением призыва другого или исключением другого — позванного, вызова и того, который призывает одновременно, — достигнута в обоих случаях, но только благодаря исключению/включению третьего. Это новинка и молчаливый секретный агент каждого безупречного провокационного акта. О чем это?

Суверен Гораций спешит, чтобы самому справиться и расправиться со своей сестрой. Таким же способом Камилла, в представлении Корнеля, как гладиатор (*provocatores* — это имя для одного типа гладиатора, который посмеивается и истязает своих оппонентов) вступает в последнюю дуэль со своим братом. Чтобы эта ситуация принадлежала регистру, который могли бы именовать *provocatio*, — на этом месте начинается длинная и часто мрачная история «выходов к барьеру», история дуэлей («или он, или я»), вызовов на дуэль (слово *challenge* здесь нам необычайно важно)²³, соре-

²² Ставит себя на место отца, который только и обладал правом убить дочь, как и любого домохозяина. — *Прим. ред.*

²³ Нет консенсуса по поводу исходного значения слова *provocatio*. Дж. Д. Клауд считает, что использование Плавта имеет преимущество по отношению к другим использованиям. Так, *Provocatio*, прежде всего, *challenge* между личностями, которые обладают более-менее равным социальным статусом. *Provocatio*. Two cases of possible fabrication in the annalistic sources. *Sodalitas*, 3,

нований, примерок, выравниваний и т. д. — для этого всегда нужна сцена или арена.

Публика не мешает актерам отыграть свои роли: секунданты дуэлей на рассвете никогда не свидетельствуют о том, что дуэль состоялась; *bystanders* (зрители, которые были и присутствуют, но которые не свидетели) не приходят на помощь тогда, когда появится блеск Горациевого меча.

Так открыто ещё одно безусловное условие провокации — ин/сценация²⁴. Чтобы одно предложение было провокационным, многим ушам надо притвориться, что они не слышали его, и тихо исключиться/включиться.

Napoli, 1984. P. 1371. *Challenge (un challenge, die Herausforderung)* — это очень сложное слово, прежде всего из-за своего происхождения и из-за своего частого использования и изменения значения. Сегодня слово *challenged* может быть и эвфемизмом для недееспособности, для инвалида (*disabled*); с XVI века это слово значит призыв к борьбе, а на старом французском (конец XIII века) значит опровержение, доведение до вопроса, расправу, ссору, обвинение. Происхождение этого слова находится в латинском слове *calumnia* (придирка, лукавство, обман, хитрость и ложное обвинение).

Английское слово *challenge* особенно дорого Карлу Шмитту. Во введении к произведению *Der Begriff des Politischen (Понятие политического)*, в разделе под названием «Вызов» (*Die Herausforderung*), он пишет: «Это состояние вещей. Такая запутанная маргинальная ситуация формы и не/формы, войны и мира, навязывает вопросы, которые неприятны и неизбежны, и которые содержат настоящий вызов (*Herausforderung*). Немецкое слово *Herausforderung* выражает здесь как смысл слова *Challenge*, так и слова *Provokation*. Произведение *Der Begriff des Politischen* — это попытка ответить на новые вопросы, чтобы не недооценивать (*unterschätzen*) ни *Challenge*, ни *Provokation*». Šmit K. *Pojam političkog, Norma i odluka*. Karl Šmit i njegovi kritičari. Beograd, Filip Visnjić, 2001. S. 9; *Schmitt C. Der Begriff des Politischen*. Berlin, Duncker & Humblot, 1979. S. 9.

²⁴ См.: *Paris R. Der kurze Atem der Provokation, Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. Jg. 41, 1989. S. 33, 39.

IMPERIUM ET/SIVE PROVOCATIO

Власть и/или вызов

Мы находимся на втором этапе формирования и редактирования некоей теории провокации и ещё не вошли в кадр монетки, которая перед нами, на аверсе которой находится профиль человека, чье имя Лаека (Лаеса). Исследуя левую сторону и реконструируя историю деградации фигуры в тоге, которая только что воскликнула, провозгласила (*provoco*) и прославилась, пытаемся отслеживать попадание в тон между воззванием и законом (нормой, властью, *imperium*), а также и различные техники включения и исключения *гласа народа* как первого парадокса Республики. И эта вторая ступень должна разворачиваться на пороге, на ободке и на кромке сцены, которая показана на этом динарии и, возможно, представляет собой *парадигму провокации*. Провокации образцовой и, следовательно, такой, как она заложена в форме этой аллегии, которая исключает (и сразу включает, конечно) несколько плоскостей и перспектив.

Забудем сразу две из них: это главный персонаж сцены (Лаеса), лицо покровителя монеты, который славит собственный лик, свое имя и величает Республику. Даже если он или кто-то из семьи Порция имел проблемы с властью, его намерение всех нас ангажировать,

чтобы отозвались и не забыли эту институцию, хотя и достойно похвалы, представляет определенную политическую акцию, которую я сейчас оставил бы в стороне.

Другая сторона — это так называемая мистическая сторона авторитета, власти и силы. Тайна стражнического участка, откуда приходят две фигуры с правой стороны, и божественное происхождение их уверенности осуществлять власть и вершить суд¹, быть brutальными, жестокими и способными на насилие², чтобы бичевать и быть немыми к воплям обвиняемого, я полностью отложил бы это, как сейчас неинтересное для исследования сцены перед нами.

Слово «сцена» вводит следующую перспективу и следующее направление. Именно: нет народа, который вызван на сцену, и внутри этой монеты нет нас, и нет меня как того, кто проводит это описание перед вами. Чтобы провокация успела и «исполнила» собственной силой и действием своё предназначение, кроме подтверждения всех нас, которых Гораций позвал и на которых он рассчитывает, когда призывает, кроме подтверждения, что клич услышан — что мы подходим, бежим навстречу и уже прибыли, между воззванием и входом публики и народа на сцену должно пройти время. Этот банальный фактор, который следует за каждым (не)провокационным жестом, и оставляет

¹ Происхождение власти, согласно римской политико-правовой историографии, должно согласовываться со славной легендой о Юпитере, который имеет право получить силу, чтобы действовать исправно или действительно (*imperium*), если это в соответствии с согласием богов.

² Во второй раз использую слово brutальный и ссылаюсь на различие между *violence* и *brutalité*, которое делает Жан Жене (Jean Genet) в предисловии к тестам группы Р. А. Ф. от 1977 года. *Genet J. L'ennemi déclaré*. Paris, Gallimard, 1991. Pp. 199–206.

время перед переходом к новой сцене и новой инстанции.

Но мы не должны недооценивать значение этого временного интервала, в рамках которого решается успех и неудача *provocatio*. Сцена, показанная на динарии, в которой насильник и преступник перед судьей и стражником кричит: «на помощь» и призывает народ дать ему ещё один шанс, прямо записывает начало течения того времени, о котором я говорю. Преступник шлёт возглас, потому что одна сцена распадается. Когда мы услышим откуда-то возглас или клич, или вопль и, возможно, сочтем его *provoco*, о котором я говорю (напоминаю уже сейчас, что *provoco* всегда произнесено по-разному и никогда однообразно, и вместо него всегда может стоять некоторое другое восклицание), тогда мы должны осознавать, что где-то что-то распадается и тонет. Мы приглашены или тогда все приглашены (нет неприглашённых), чтобы рас/правлять и договариваться и строить декорации нового театра. Нам вообще не нужно сомневаться, что сцена на этом динарии, которая славит одну большую институцию Республики, *ius provocationis*, показывает в то же время её распад. Если мы все отзовёмся или, может быть, большинство из нас и вместе уничтожим неравновесие на подмостках этого театра, спасём ещё одну жизнь, вернем стражников туда, откуда они приходят, утихомирим семьи и потерпевших, и т. д.

Если не отзовёмся или если не узнаем этот *возглас* (а мы не узнали его и преимущественно не отзывались более двух тысяч лет), ликторов будет всё больше и больше, топоров снова всё больше, преступники будут не в тогах, а в бронежилетах и униформах...

Время, на котором настаиваю, время в продолжительности эха от восклицания *provoco* — это не вре-

мя принятия решения, соглашения, переговоров или процедуры, в которой участвуют все или только некоторые, или один из перечисленных акторов. Это просто объяснить.

Мы никогда сразу не спрашиваем себя и не договариваемся, является ли какое-либо произведение искусства художественным или нет, стоит ли входить в галерею или музей, ни учебники, ни цензоры в тот же момент не консультируются с полицией, не дают отпор на *provoco* художника, например, отпор консервативной части народа (это были бы те, которые плохо слушают и хотя бы временно строго настаивают на сохранении норм и власти, *имперцум*), который мгновенно кристаллизуется и институционализируется в демонстрациях и угрозах или избиениях. Требуется период колебания, намеренного необращения внимания и безответности, период повторения и настойчивости, время колебания и расчета, время опоздания и промедления. Это именно то время, которое лежит в основе восстановления медиа и их практики. Иногда, когда нет слуха, когда степень чувствительности катастрофически деградировала, всё находится под вопросом. Тогда художники пропадают без воспоминания о них, преступники остаются без пощады и помилования, и так иногда исчезают народы.

Не следует забывать, что иногда группы или целые народы занимают место фигуры на левой стороне монетки. Один народ целиком стоит перед властью или часть этого народа взывает ко всему народу. Это воззвание к народу не только призывание части своего народа, но и всех тех, которые могут прийти на помощь и изменить некую невыносимую сцену. Причина, почему сегодня на такие призывы отвечает не народ вообще, все народы или «субнарод», но, как правило,

некоторая иная высшая власть и свехр/ликторы (их вызов подтверждается через право на интервенцию насилием) уже отмечена здесь, в Римской Республике, распадом институции *ius provocationis*.

Когда я настаиваю на времени эха одного воззвания (*provoco*) — повторяю ещё раз, что медиа должны очень тщательно регулировать его продолжительность и силу, — и подчеркиваю важность времени для того, чтобы возглас овладел всем пространством и создал возможность для ответа и реакции, пытаюсь именно на этой плоскости найти основную причину отмены и преобразования права на провокацию и причину падения Республики.

Провокация исчезла не потому, что народ противился и медлил, чтобы изъясниться и собраться вокруг «призывающего» или появиться в собраниях и судах, и так ангажироваться в решении проблем сообщества и его членов, а потому, что власть постоянно ускорялась и сокращала время использования этой институции и права на *provoco*. Так же, как эта институция препятствует исполнению безусловных команд во время военной акции, так и замедляет милитаризацию сообщества и усиление военной машины³. Скажем, совсем

³ Милитаризация одной власти или одного народа постигается так, что народ непрерывно призывается со стороны суверена или власти. Суверен крадет в народе у каждого человека его индивидуальное право на воззвание, и его глас является более сильным, чем призыв к народу со стороны его любой части. «Популизм» всегда стоит на переходе из республики в диктатуру. Народ на улицах потому, что его зовет бессильный суверен. Иногда формы популизма имеют карикатурные очертания, но все равно они заканчиваются войной и трагедией. Народ вызван на улицы, народ ищет оружие, а суверен плохо слышит. Младен Долар начинает интерпретацию предложения “I don’t hear well” в книге *A Voice and nothing more* (Cambridge, MIT Press. P. 189).

легко представить нетерпение, с которым небольшая исполнительная единица власти (например, небольшой полицейский патруль), которая первая имеет достаточное знание о преступнике и должна применить его, вступает в акцию его ареста и бывает вынуждена следовать процедуре и ждать. Еще легче представить длительные судебные процессы, долгие разъяснения и свидетельства и задержку решения.

Спешка сначала превращается в злоупотребление, а потом провокация навсегда перенаправляется на суверена, то есть на императора. Так же, как она полностью неслышно и неизвестно вошла и заняла законодательную систему Римской Республики, институция *ius provocatio* исчезает в последние десятилетия старой эры, и римские граждане могут жаловаться и просить помилование исключительно у кесаря через призыв (*appellatio*)⁴. Народ превращается в своего представителя — императора. Суверен или диктатор⁵ становится ухом и чувством народа. С тех пор (и по сей день) только суверен представляется как кто-то, кто имеет слух и, следовательно, только он принимает призывы и воззвания (во имя народа и со стороны народа).

⁴ Апостол Павел перед прокурором Цезаря Фестусом решает, как гражданин Рима, избежать Еврейского суда Sanhedrin (Синедрион) и сослаться на Цезаря. Он произносит также вслух призыв *Kaisara epikaloumai* (*Caesarem appello*) и переходит в юрисдикцию римского императора. “Ako li sam skrivio ili učinio nešto što zaslužuje smrt, ne marim umreti; ako li ništa nema od onoga za što me ovi optužuju, niko me ne može njima predati. Cesara prizivam!” *Dela Apostolska*, 25. 11 (Версия Синода СПЦ).

⁵ Есть три ключевые характеристики или три основные прерогативы суверена (или диктатора). Отсутствие *intercessio* (суверен по дефиниции не имеет коллеги, не имеет равного себе, не имеет начальника и не попадает под любое правило, под *imperium*), *provocatio* и отсутствие *ответственности*. См.: *Reinach Th. De l'état de siège*. Paris, F. Pichon, 1885. Pp. 26–29.

(...) в прошлом прозыв народа, теперь позыв императора (*antea ad populum, nunc imperatorem appellantem*)⁶.

Но как суверен — вспомним, что суверенный Гостилий зовет Горация призвать народ, — вообще «поменял сторону»? И находится ли *toros* суверена сейчас на правой стороне динария, то есть за спиной магистратов, окруженных «спутниками» и вооруженными ликторами?

Ответ на эти вопросы выводит наше внимание дальше, за рамки этой монетки, за спину и за голову фигуры, которая находится на его левой стороне (это, мне кажется, ещё единственная оставшаяся плоскость, которая вписана в слово *provoco*). Представим, что человек в тоге — Гораций. Две перспективы или два задних плана пересекаются в его положении тела: стабильность (ракурс к нашему взгляду) мог бы дать ему голос или шёпот суверена, который находится за его спиной, в то время как сила его призыва, которым он останавливает магистрата, может происходить из его прошлого, которое находится слева от его головы. Прежде чем мы сопроводим трансформацию Горация в границах этого динария, благодаря царю Гостилию, давайте ещё раз вернёмся в последний кадр истории Горация, в котором он функционирует одновременно и как суверен-судья, и как убийца.

Г о р а ц и й: Так, наказание получит сразу та, которая осмелится оплакивать римского врага (*ainsi reçoit un châtiment soudain, quiconque ose pleurer un ennemi romain*).

Это совершенно точно призыв. Камилла пресечена, и Корнель до этого момента ничего не меняет в струк-

туре свидетельства Ливия. Время, о котором я говорил, начинается призывом. Этот короткий и беспокойный, часто очень драматичный период времени, в котором измеряется сила одного призыва, воззвания (провокации) и порог слуха, всегда отмечен жертвами. Это закон театра. Напоминаю, что разница между провокацией и апелляцией (воззвания или вызова с одной и призыва с другой стороны) определяется изменением сцены, то есть изменением инстанции. Провокация (переключка, проверка; не могу устранить военный или лагерный фон этого нашего слова, который соответствует слову «перечисление») всегда должна иметь, как результат, полностью новое размещение актеров и актов (действующих и действий на одной сцене). Иначе это не провокация.

Сцена изменилась, так как Горациево *provoco* заступает, чтобы изменилась сцена или ситуация, потому что в противном случае он был бы избит и ликвидирован, и «подтверждено», что произошла и провокация. Но это ещё не всё. Следует вопрос о природе этого вокатива, возгласа или зова в самом призыве (внутри *provocatio*). На этом месте сразу же открываются те два понимания провокации или та дилемма о провокации, о которой я уже говорил. Теперь, мне кажется, я могу это расщепление в понимании и конструкции провокационного определить яснее и некоторыми другими словами. Напоминаю, разница находится в интерпретации слова *provoco*.

Provoco представляет или воззвание к кому-то, кто не присутствует (народ), или вызов другого на борьбу (дуэль) перед кем-то, кто не присутствует (народ). Я бы пожертвовал этой тонкостью в значении и коннотации в связи с провокацией, настаивая на некоторых общих факторах, которые существуют и в одном,

⁶ Digesta. 48. 6. 7; Paul, Sentencia. 5. 26. 1–2.

и в другом толковании. *Provoco* в настоящий момент прерывает насилие; разрывает и задерживает норму (её непроведение, всячески является её мгновенным суспендированием); дает новое время; введением новой инстанции отменяется асимметрия между акторами, обеспечивается равенство и *fair* борьба (это первое отличие дуэли). Следовательно, провокация определенно ставит под вопрос один порядок, требует прекращения насилия нормы и брутальности, жестокости нормативного и представляет призыв к изменению чего-то: изменить мерил, нормы и границы — перед народом, с народом и в рамках народа (всех). *Provoco* предупреждает тех, которые не здесь и не ангажированы, не слышат и которых невозможно дозваться. Призыв и розыск тех, которые отсутствуют, которые не отвечают и без которых революционное дело никогда не может состояться. *Provoco* (воззвание) невозможно без тех, кто отсутствует.

Угроза Горация является, во-первых, возгласом (*appel, appeal, Ruf*):

Так, наказание получит сразу та, которая осмелится оплакивать римского врага.

Гораций обещает быстроту. Этим подтверждается логика нормативности.

Провокационное или перформативное или «призывающее» этого высказывания начинается с того, что каждой женщине надо распросить себя, тоскует ли она о враге или не тоскует; что каждому мужчине надо спросить себя, является ли он врагом; но и каждому мужчине надо спросить себя, является ли он женщиной (в этом потверждается поиск Эмерсона того же «в нас самих») и т. д.; и провокация предуведомляется потому, что условное наклонение в будущем является

предуведомлением будущей практики и будущей нормы. «Я убил, — хочет сказать Гораций, — и с этого момента буду убивать всегда, если и т. д. и т. п.». Эта новость провокационно зовет к новой нормативности и призывает всех усвоить, принять или подтвердить новый закон (*ius* или *lex*). Поэтому провокация опасна.

Подобно Горацию, Сен-Жюст провозглашает степень посещаемости и степень ангажированности всех в наиважнейшей задаче.

Нет надежды на прогресс до тех пор, пока дышит последний враг свободы. Вы должны наказать не только предателей, но и равнодушных; вы должны наказать любого, кто пассивен в Республике и ничего не делает для нее: ибо, поскольку французский народ проявил свою волю, всё, что ей противоречит, находится вне суверена; все, что находится вне суверена, является врагом⁷.

Оба воззвания, каждое своим способом, говорят о недостатке народа и, призывая, устанавливают, что общество терпит неудачу, если есть ещё те, кто не включен в него. Гораций вызывает женщин и желает осудить их публично и перед народом, если они не участвуют в воспроизводстве народа и забывают это. Сен-Жюст вызывает последнюю и наивысшую инстанцию: вызывает народ, чтобы не потерпело неудачу дело народа⁸.

⁷ «Il n'y a point de prospérité à espérer tant que le dernier ennemi de la liberté respirera. Vous avez à punir non seulement les traîtres, mais les indifférents mêmes; vous avez à punir quiconque est passif dans la République et ne fait rien pour elle: car, depuis que le peuple français a manifesté sa volonté, tout ce qui est opposé est hors le souverain; tout ce qui est hors le souverain est ennemi». *Saint-Just L. A. Rapport sur la nécessité de déclarer le gouvernement révolutionnaire jusqu'à la paix. 1793.*

⁸ Республика и переводится как «общая вещь», «общее дело». — *Прим. ред.*

В обоих этих фатальных примерах имплицитно присутствуют эти две вышеупомянутые интерпретации слова *provoco* и контroversия между ними. Теперь я мог бы довольно точно аргументировать, что оба толкования провокации (восклицания *provoco*) — до сих пор считаю, что они не могут быть разъединены — касаются возможности демократии. Акцент второй интерпретации, которая настаивает на дуэли и борьбе, начинается с того, что демократия должна исключать или уже обязательно исключает и перемещает на второй план ту часть сообщества, которая находится в меньшинстве. *Fair*, борьба перед народом, во имя народа, или *fair*, борьба народа внутри и между собой, исключает побеждённых — например, их будущее присутствие в распределении власти. Первая интерпретация метит на включение отсутствующих и тех, которых нет. Одно сообщество достигает мира, если и только если оно затоплено теми, кто изначально незнаком и является врагом. Аналогично, насилие может остановить только тот, кто не присутствует, или насилие происходит потому, что кто-то отсутствует. Призыв, чтобы равнодушные присоединились, а народ отозвался, в основе должен уменьшить и отменить террор над отличающимися и «предателями».

Коэкзистенцирование и переплетение этих двух версий теории провокации осуществляется прямо здесь, в рамках этих двух примеров, которые я цитировал. В тот же момент, когда появляется призыв для установления новой формы, внезапно с другой стороны сцены или вне сцены, симульганно, отзывается новый вокатив, голос. Тогда сцена полностью распадается, и другой облик провокации выходит на передний план. В то время, когда «провокаатора» одурманивает и убаюкивает вера в идею равенства и симметрии, —

путем дуэли «один на один», путем комуникации⁹ или переговоров, инсценировкой, путем нормы (выравнивание, конфронтация и «нормирование» в суде или в зале суда) и веры в «исключение», — он сам является *исключенным*.

Думаю, что дидаскалия (*derrière le théâtre*) как инструкция, которую мы находим в тексте Корнеля, может полностью соответствовать сложной ситуации и моменту, в котором Сен-Жюст 10 октября 1793 года перед Конвентом произносит свою знаменитую речь¹⁰. Пока и Гораций, и Сен-Жюст угрожают, призывая ведьм, предателей и равнодушных, за сценой или, дословно, «вне театра», Камилла произносит свое последнее слово:

Ах! Предатель! (*Ah! Traître!*).

Восклицательный знак или пунктуация преобразует одно имя — в призыв (на французском языке). Я бы попробовал *ad hoc* дать преимущество важности вокатива в этой целой конструкции и отложить в сторону некоторые другие ассоциации, которые предательство здесь предписывает.

Камилла добавляет имя. Это все. Облик того же неуслышанного позыва любовнику повторится первый раз здесь, а последний раз он «огласится» в голосе Горация,

⁹ Идеальная коммуникативная или «любовная ситуация» — это уже чистая война, по крайней мере, потому что отменяет все, что на пути к другому (шум, помехи, фрикции, гомон, демона, паразита, третьего и т. д.). “Dialoguer, c’est poser un tiers et chercher à l’exclure”. Ср.: *Serres M. La communication. Hermès I. Paris, Les éditions de minuit, 1968. P. 41.*

¹⁰ Свою последнюю речь, посвященную защите Робеспьера, перед тем же революционным телом он попытается произнести 27 июля 1794 года, но будет жёстко прерван. Сразу после этого он будет казнен как «враг народа».

когда он появится в ободке нашей монеты и произнесет *provoco*. Это то, что является решающим в демонтаже провокационного фактора. Предполагаю, что силу этого голоса, главного двигателя всех этих переходов от сцены к сцене, создает то, что наименования сестры принципиально остаются неслышанными. Она зовет или именует (любownika, предателя), и именно этот промах и недостаток ответа (потому что никто никогда не отзывается) заставляет голос оставаться и переноситься дальше.

Его переносят всегда мужчины: брат, который убивает её, царь, который отказывается судить её брата, и отец, который подтверждает, что его дочь была справедливо убита, не используя право самому осудить своего сына. Таким образом, кажется, что каждая норма несёт в себе воззвание и глас, неспособна его перекрыть и устранить.

Provocatio никогда не бывает с той стороны *imperium*-а.

Жест перекрытия или повторного покрытия воззвания (голоса), аналогично, — я определил бы провокационно или революционно¹¹, как процесс обнаружения или обнажения нормы, *imperium*-а или закона

¹¹ Маркс различает эти два слова, хотя нигде не тематизирует это различие. В произведении *Die Klassenkämpfe in Frankreich 1848–1850* (*MEW*, Band 7. Berlin, Dietz Verlag, 1960. S. 64–94) Маркс несколько раз упоминает провоцирование народа или пролетариата со стороны правительства. Он восхваляет тогдашнее спокойствие пролетариата и настаивает на важности того, что пролетариат не отвечал на провокации, потому что в его понятии истинно совершение революции (<...> *weil es im Begriff war, eine Revolution zu machen*) (S. 91). Пролетариат, по мнению Маркса, не может быть спровоцированным, если он действительно готов к революции. Революция, вполне в соответствии с наивысшими мерами ума Гегеля, выводится изнутри наружу (инициально).

путем позыва (вокатива) — является признаком, который разбивает сцены и заново инсценируется внутри истории Тита Ливия.

Убийство, которое произошло, в котором брат убивает сестру, потому что это единственный способ, чтобы она замолчала, должно быть покрыто (узаконено, регламентировано, из/мерено — это все слова, которые содержит латинское слово *imperium*)¹². Наверное, было бы слишком быстро и слишком рано утверждать, что именно голос жертвы, который переживает преступление и смерть (вероятно через взывание, вызов или вызывание близких — семьи, любимых, друзей и т. д., но и в некотором другом виде), инициирует совместное умиротворение и затихание, и изготовление различных изоляционных материалов и техник сокрытия. Могут ли все следы и все движения, которые открывает одно такое событие, быть редуцированы или соединены и собраны в рамках «голоса» и «голосовой работы»?

У нас есть труп и останки павшей сестры; картины убийства, вращающиеся и сменяющиеся в головах присутствующих, в юго-восточной части Рима, рядом с аркой, которая называется *Capena*, где колонна

¹² В семинаре о Пармениде (1942–1943), при попытке сравнить греческое *pseudos* и латинское *falsum*, Хайдеггер ищет исходное значение слова *imperium*. От слова приказание, *Befehl* (он рекомендует, чтобы это слово писалось *Befelh*), Хайдеггер переходит к слову покрыть (*bergen*) или послать (*befehlen*) мертвого в землю или в огонь. Послать что-то так, чтобы оно было покрыто чем-то другим (погребено). «*Imparare* (*im-parare*) есть установить (*einrichten*), принять определенные меры (*die Vorkehrung treffen*) (в смысле, позаботиться)». «*Imperium* является территорией (*Gebiet*), основанной на приказании (*Gebot*), на которой другие послушны (*botmässig*)». «Суть слова *imperium* содержится в акте постоянного «действия» (*im actus der ständigen "Aktion"*)». *Heidegger M. Parmenides*, GA. Band. 54. Frankfurt am Main, Vittorio Klostermann, 1982. S. 58–60.

победителей во главе с Горацием марширует в город; тут есть его и её отец (его печаль и его воспоминания); у нас есть картины, которые со страшной скоростью превращаются в голос, в голоса; у нас есть голоса, которые торопятся к слухам; слухи — в видения, видения — в мечты, в хроники, в письмо, в языки и версии, в века и, в конце, у нас есть истории и легенды. Ливиеву реконструкцию этого события (Корнель только добавляет акценты и пунктуацию в некоторых местах), очень пустую и короткую, *диктует* голос, который невозможно заставить замолчать. История течет как раз столько, сколько нужно, чтобы реализовать попытку окончания расправы одного сообщества с ужасом, который в него внесла война. История заканчивается тогда, когда Ливий думает, что это сообщество может продолжить и пережить, и преобразиться в некоторый следующий облик Рима, чью историю он пишет. Следовательно, история действительно здесь провоцирует одну науку о норме и науку о сообществе в генезисе¹³.

Первый жест перекрытия или происхождения *imperium*-а принадлежит или находится в руках убийцы. Воин колет там, где рождается голос, и где быстрее всего должна исчезнуть жизнь. Это действие предполагает наиболее эффективную возможность того, чтобы была упразднена мольба, рыдание, скуление и любой голос, который бы остался слышен убийце. Попытка отменить голос является аналогичной попытке полностью уничтожить жертву и не допустить, чтобы близкие оплакивали ее любым способом¹⁴. Воин пытается

¹³ И наверняка одну науку о литературе. Ср.: Jauss H. R. *Literaturgeschichte als Provokation der Literaturwissenschaft, Literaturgeschichte als Provokation*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1970. S. 144–208.

¹⁴ После убийства Ликаона, сына Приама, Ахилл бросает его труп в реку и с гордостью произносит незабываемые слова:

ся убить таким способом, который бы, следовательно, элиминировал его как единственного свидетеля этого действия, и тем самым устранил любое свидетельство его близости с жертвой. Сам акт убийства, — Ливий говорит, что меч входит сверху вниз в горло врага¹⁵, — сопровождается стиранием и перекрытием мертвого своей собственной жизнью. Всё, что должно остаться от этого акта, если он действительно «образцово» исполнен, — это то, чтобы убийца был дефинитивно приравнен к суверену, а его жест со строгостью законодателя — это сам убийца (только убийца в одиночестве победителя и правителя).

Конечно, от образцового убийства никогда ничего не остается (неужели об этом не говорят истории боен, театральных, ритуальных и безболезненных боен животных?), но не только из-за грабежей после убийства и из-за потребности в славе и доказательстве *близости с врагом* перед соотечественниками (что Гораций и делает). Необходимо, чтобы фанатизм, но также и подвиг, чистое суверенное действие, которое убивает и уничтожает одновременно, повторялся и поправлялся веками, чтобы, возможно, однажды достичь тех чудесных высот (засвидетельствованных в другой традиции), которые описывает Бенджамин в «Критике насилия», когда говорит о суверенном — революционном и *божественном насилии*.

Тит Ливий, республиканец *par excellence*, через судьбу Горация описывает блуждание одной фигуры прогосуверена и потрясения в его конституировании.

«Ложись здесь между рыбами, которые тебе будут лизать кровь из твоей раны, не думая о тебе, чтобы твоя мать не положила тебя на носилки и не скорбила». *Hom. Ilijada*. Pevanje 21. 123–126.

¹⁵ Ахилл сверху (Ликаон стоит на коленях перед ним и умоляет его) вонзает меч между ключицей и шеей. *Ibid*, 116–117.

Другими словами, Ливий пробует, конечно, средствами его эпохи, которая кишит мужскими лицами и мужскими фантазиями, найти какое-то равновесие между возгласом и нормой, и рисует оптимистическое решение истории о преступлении после войны, где преступник в конце остаётся пощажён и наказан по мере своего внутреннего голоса и воззвания, а сообщество всё ещё собрано воедино. Конечно, это всё ещё сообщество мужчин и воинов.

Когда Гораций убивает, он прикрывается врагом. Одевает его *paludamentum* (подарок сестры жениху) и заносит голос врага в город. Когда убивает сестру, снова пытается инсценировать законодателя, и снова голос мертвых превосходит его.

«Голос врага» или ещё лучше «голос как враг»: давайте так переведем то сестринское слово, которое выходит на сцену в момент, когда она умирает. Предполагаю, что когда со всеми этими угрозами, которые Гораций в конце произносит, включается голос совести и голос сомнений, и когда всё это соберётся в одном слове и возгласе «Предатель!», Гораций должен остаться без текста и без слов.

Немой Гораций на сцене и «оставление голоса», который исходит с заднего плана, является моментом, когда появляется фигура *de facto* и *de iure* суверена — Тулла Гостилия. Все черты Гостилия, и прежде всего момент, когда он выступает в этой истории, могли бы оправдать его имя и его суперпозицию (много веков спустя, из превосходной степени сравнения, из *superanus*-а, укрепитя имя и французское слово мужского рода *souverain*; в последние десятилетия это слово будет, прежде всего, означать того, кто в состоянии приостановить норму, *ввести чрезвычайное положение* на одной территории, а потом и вер-

нуть всё назад в рамки закона, именно потому, что сам находится вне закона). Гостилий уже ввёл одно почти чрезвычайное положение, призвав народ задержать оружие и предупредив опасность, которая приходит извне. Думаю, что царская нетематизированная ответственность за преступление, которое случилось в городе, должна будет определить все его будущие движения. Для нас это должно быть хорошим знаком, чтобы в будущем ещё внимательнее исследовать отношение между *ius provocationis* и чрезвычайным положением, то есть природу их взаимного исключения¹⁶.

Перед царём неестественное убийство человека, которое совершил псевдосуверен или псевдомагистрат Гораций <...> и взял на себя роль государства, чтобы судить (судить предательницу), потом брата, который убивает сестру, плач любви о мёртвом женихе, который превосходит победу в войне и, наконец, символы врага (добыча и голос).

Простые вопросы — зачем суверен здесь? Почему он вызван? Почему вообще самая высшая инстанция вступает в игру? Неужели институция «призывания народа» не заканчивается именно здесь, даже ещё не начавшись? Предшествует ли право суверена помиловать кого-либо праву народа простить наказание? Вводит ли суверена предательство Родины? И т. д. Можно было бы обойтись подслушиванием ответов суверена на *appellatio* одной части народа.

Суверен сначала *приостанавливает самого себя*. Мне кажется, что эта сила приостановления намного

¹⁶ Роберто Франети очертил это направление в разборе книги *Multitude* (A. Negri i M. Hardt, New York, 2004). Ср.: *Farneti R. Urging multitudes: On Negri and Hardt's neo-Roman militancy, Philosophy & Social Criticism*. Vol. 32. No. 2. 2006. Pp. 283–287.

превосходит по значимости суверенную приостановку нормы. И еще: суверен может селективно приостановить некоторые из своих функций. И в конце концов: суверен не является ни всемогущим, ни совершенным защитником, несмотря на то, что он находится «за спиной» каждого из своих подданных.

Вот первое предложение, которое произносит Гостилий, и которое передает Ливий. Оно выступает как манифест его воли отказаться от *принятия решения*¹⁷, вынесения приговора и взятия ответственности (но решения перенести свою власть на двух советников — чётное число поставлено на карту и означает, что не будет победы при голосовании), одним словом, он отказывается быть «чистильщиком» и прикрыть своей командой сцену, на которой застаёт Горация, во имя высших государственных интересов. Царь произносит своё решение, которое не является решением, и так благодарит народ за приглашение:

Именуя, по закону (*secundum legem facio*), *duoviris* судить Горация за предательство (преступление против государства).

«Делаю это по закону», — говорит царь. Закон предшествует этому изъятию. Письменный закон предшествует голосу, который находится вне закона с того момента, когда он ссылается на него. Таким образом, решена та большая апория, по которой тот, кто находится внутри закона не может приостановить его. Такая интерпретация выглядит совсем тривиальной (каждый судья при принятии какого-либо решения и ссылки на закон неизбежно находится вне того же закона), но предотвращает банальные про-

¹⁷ В античности «принятие решения» — право каждого свободного гражданина. — *Прим. ред.*

блематизации статуса суверена в отношении границ закона¹⁸.

Потом суверен занимает свою истинную роль и выполняет своё задание. Суверен одного города находится в двух местах в одно и то же время. Не в каждом месте и в каждом углу одного города, не высоко над городом, не под городом. Только в двух местах и с двумя задачами. Во-первых:

Как кто-то, кто следует закону, и как кто-то, кто приостанавливает себя как судья и своё решение в пользу *duoviris*, он становится гарантом и защитником их послушания в исполнении законного решения (так суверен является привратником Римского городского театра).

Вторую задачу суверена определяют вместе царь и Тит Ливий. Как только уполномочил двух избранных, Гостилий говорит следующее:

Si a duoviris provocarit, provocatione certato (если или насколько обвиняемый прозовет (народ) против *duoviris*, *получит* провокацию, возможность дебатов перед народом).

Это инструкция и провокация в одном и том же воззвании. Он отказывается помиловать Горация и позволяет ему сразу выбрать смерть, если он этого хочет, при условии не подавать голос. Однако если Гораций призовет народ, его голос будет в согласии с голосом суверена. В «команде суверена» уплотнен возглас (эту операцию Ливий переименует в *auctore Tullo*)¹⁹. Царь сам

¹⁸ «Голос структурально находится в том же положении, как и суверенность, что значит, он (суверен) может приостановить действие закона и ввести чрезвычайное положение». *Dolar M. A Voice and nothing more*. P. 120.

¹⁹ «*Tum Horatius auctore Tullo, clemente legis interprete: "Prouoco", inquit*». Фостер следующим образом переводит это предложе-

призывает народ, инструктируя и подстрекая Горация единогласно повторить его слова; одним словом, повторить вместе вслух одно и то же слово и приостановить норму.

Как кто-то, кого народ позвал, чтобы «нормировать» оставшиеся голоса и восстановить сцену, он приостанавливает свой отзыв в пользу воззвания (*provoco*), для того, чтобы вернуть народу право на голос и на представление (так суверен является суфлёром Римского городского театра).

ние: “Then Horatius, at the prompting of Tullus, who put a merciful construction upon the law, cried, ‘I appeal!’” *Livy*, Books I, p. 93. Юридическая фраза *auctore tutore* обычно интерпретируется как инструкция, поддержка, совет, убеждение, а также подбадривание, подстрекание и шепот.

В Дионисиевской версии легенды о Горации царь-суверен является тем, кто призывает народ во имя Горация. *Provoco* Горация вообще не упоминается.

IN VIVO

Да здравствует!

В живо(м) и во имя жизни! Да здравствует!

Голос подтверждает, защищает, но также оповещает всех, кто слышит, что жизнь (живое тело, «мое тело» и «моя жизнь») является общей и народной вещью. Происхождение общенародной обороны открыто, публично.

Если хочешь остаться в живых, чтобы «оправдаться» перед народом за свою жизнь (явно, живую), подтверди сначала сам (я это не могу сделать вместо тебя), что являешься частью народа, оглашая себя.

Это является содержанием суфлёр-суверенской ассистенции и суфлёрской инссистенции, которую время от времени слышно, если правильно всмотреться в динар и этот провокационный сеанс, который находится перед нами. Жизнь и её защита является последним элементом этой Ливиевой конструкции и этой моей умозрительной «теории провокации». Я повторю это предложение так, как делал до сих пор: чтобы одно действие было распределено в рамках *provocatio* — или чтобы одно действие было частью образа (кадра) этой аллегии или этой истории, которая отмечена на динарии (все равно если это «в» кадре или «на» его

ободах), — оно должно в своей последней инстанции подтверждать или славить (оборонять) жизнь.

Но как оглашается атакованная жизнь? Как дается знать, как провозгласить *provoco* и как вжиться в собственную жизнь и защитить её, призывая других?

Являются ли действия, например, действия жертвования (всегда жертвования жизни), убийства или само/убийства тогда сразу исключёнными из провокационного регистра? Или эти действия и сами «поставляют» жизнь, провозглашая её латентную уязвимость, и то, что к ней подступила, атаковала смерть? Если бы, скажем, Гораций послушался шёпота суфлера и кровавый меч повернул против себя или без размышления сдался, подставился кнуту магистра или лектора (несколько веков спустя на этом месте появится такой прокуратор, как Пилат, которому один обвиняемый представился), неужели, на самом деле, ничего живого и ничего жизненного и ничего провокационного не было бы в этих его действиях? Думаю, что граница *provocatio* и условие провокационного акта не будут соблюдены, только если провокационно одно убийство измерять присутствием негации и афирмации жизни в нем. Требуется ещё что-то большее.

Я уточню ещё раз, прежде чем попытаюсь объяснить трансформацию вокатива в про/вокатив как событие, которое предполагает защиту жизни через включение других (этот момент я сразу бы отметил, как революционный).

Слово *provoco*, которое Гораций должен сам для себя огласить, подтверждает его жизнь, поскольку произошло уже несколько убийств. Убийства просто учтены в возможности того, что его жизнь обретёт важность, и что он будет оборонять её. Можно было бы точнее сказать, что сцена, в которой происходит убий-

ство (нужно чтобы это была сцена), является провокационной, потому что уже предполагает одно будущее Горациево *provoco* и оборону жизни. Убийство раздражает и злит, потому что невозможно было его прекратить, хотя манифестация убийства была открытым призывом к тому, чтобы сцена была прервана. Повторяю, прервать сцену убийства, а не убийство; или сцену насилия или изнасилования, но ещё не насилие или изнасилование¹.

Я уже сказал, что этого объяснения недостаточно. Вопрос всегда один и тот же: «При каких условиях нас (тогда) что-то раздражает?» И имеет ли это какую-либо связь с жизнью и с «жизненным»?²

¹ Об этой дистинкции говорю в другом месте.

² Принимаю здесь дословно облик Гердеровского вопроса “unter welchen Bedingungen etwas reizt?” из знаменитого трактата *Vom Erkennen und Emfinden der menschlichen Seele* с 1778 года: Herder J. G. Werke. Band 2. München, Carl Hanser Verlag, 1953. S. 360. Повторяя этот вопрос, прозываю теперь одну бесконечно значимую традицию попытки мышления провокационного в философии, психологии и психоанализе (все началось с физика Брауна и психолога Халлера, которые обосновали связь между *stimulus*-ом, раздражением и возбуждением в организме), которая, прежде всех, благодаря Канту и Фрейдю, была полностью отвергнута и отменена (Кант пытался очистить красоту от любого возбуждения и раздражения, пока у Фрейда раздражение (*Reiz*) всегда имеет негативную коннотацию, тело должно обходить его, и это противоположность наслаждению). *Stimulus* или раздражение — это событие, которое приходит из физического мира, возбуждает рецепторы в организме и производит ответ. Новалис делает следующую дистинкцию, которая для нас особенно интересна: «Раздражение (*der Reiz*), которое приходит извне, является косвенным; раздражение, которое приходит изнутри, является прямым. Первое предполагает предварительное раздражение/возбуждение (*Reizbarkeit*). Возбуждение — это неопределённая жизнь (*unbestimmtes Leben*) — парящее действие (*schwebende Action*) — косвенное раздражение — преодоление равно — гетереогенизация — определенное направление. Жизнь

Мне кажется, что требуется принять во внимание ещё один сегмент, который может преодолеть неопределенную линию между убийством (или даже убийством или жертвовани­ем во имя жизни или во имя других) и защитой голой жизни. Эту деталь я бы назвал «оживление». Хотя это слово уже повторяет отголоски слова эвокация (*evocatio*) и касается голоса и оглашения чего-то бывшего и забытого, или просто положенного на второй план, преимущество этого слова теперь очевидно. Пока читаю явно, вслух (для себя, вас или нас; все мы теперь публика, третьи) эпизод, в котором Гораций или Ахилл совершают убийство, ставлю сцену и в то же время оживляю её содержание. От моего живого чтения³, от нашего взаимного вживления в историю, в нас самих, в намерения автора и героя этой истории, будет зависеть результат и рецепция. Но для того, чтобы вжились (чтобы наслаждались) и заново пережили это, или чтобы прожить и проживать это так, как это происходит, нужен ли медиум, через которого история «оживает» или повторяется, или прямо переносится?

Эмерсон, на самом деле, говорит о «прямом переносе» и прямой передаче чего-либо от одной особы (че-

возвышается как болезнь из шока (перерыва) (*aus einer Stockung*) — из ограниченного — из касания (движение) (*Berührung*)». *Novalis. Werke. Band 2. München, Carl Hanser Verlag, 1978. S. 350.* Субъект делает внешний объект внутренним, усвоенным, собственным, который его раздражает. Таким образом, по мнению Новалиса, человек становится незнакомцем самому себе и своему собственному раздражению. Это внутреннее раздражение, а Бог является одним из важнейших. Женщина является внешним раздражением (*Reiz*).

³ Роман Якобсон свидетельствует о так называемом тесте Станиславского и истории одного актера Московского театра, которого прославленный режиссер попросил сделать сорок разных сообщений из предложения «Сегодня вечером». Ср.: *Dolar M. A Voice and nothing more. P. 21.*

ловека или Бога, все равно) к другой. Только если это живой перенос (почти телепатический) — Эмерсон говорит, что именно это является отличием провокации и её различием в отношении с инструкцией — тогда эта «вещь», которая переносится, действительно прибывает на место назначения. Действительно можно представить, чтобы эти эпизоды, Горация и Ахилла, которые, вероятно, никогда на самом деле не происходили именно так, как кажется, что произошли, могли бы первый раз быть выполнены *здесь и сейчас*.

Могли бы вы предвидеть нашу реакцию и может ли нам теперь быть ясно, почему Корнель оттягивает, уводит сцену убийства Камиллы за сцену?

Уже становится очевидным, что провокация или провокационное сопротивляется любым медиа и полностью ограничивает значимость и взнос любого посредника в тот же момент, когда не может без них. Поэтому слово перформативность (или перформатив) очень подходит для описания провокационного действия. Точнее, провокация не переносится, а распознается (у другого, других), но как возможность быть повторенной и эмитированной. Нет рецепции, которая в то же время не является и эмитированием; нет возбуждения у того, кто уже не эмитирует возбуждение, кто уже не возбуждает и уже не призывает к общей бдительности и вниманию всех. В том смысле нет никакой реконструкции провокационного жеста, который может возбудить и спровоцировать, чтобы он не содержал элементов голоса (живого голоса), крика или вопля.

Когда настаиваю, чтобы мы вернулись в Рим и оживили эту историю, изображенную на монете перед нами, мое намерение не только «развить» аргументацию в пользу существования одной древней демократической практики, которая превосходит всё, что мы

когда-либо знали о демократии. Моё намерение состоит в том, чтобы оживить и вжиться в одно событие, которое могло бы быть историческим, но важнее чем это, в событие, которое могло бы представлять парадигму провокации, и тогда иметь будущее. Во-первых, эта легенда могла бы облегчить интерпретацию прошлых событий, и, во-вторых, могла бы перенаправить курс будущих событий.

В кардинальном моменте этой легенды — продолжаю испытывать важность статуса жизни и жизненного внутри *provocatio* — суверен шлёт одному преступнику инструкцию (средство правовой защиты или юридическую помощь), которая как таковая имеет скорость и «звук» провокации. Поэтому говорю о суфлёре. Все, что суфлёр рассказывает, это: *provoco* (или повтори *provoco*!).

Напоминаю, что во второй части предложения, которое упоминает наказание за предательство и преступление против государства, Гостилий намекает на возможность того, что предатель будет повешен (опять горло и голос), поскольку не использует свой голос и не призывает народ. Это усложняет наипростейшую механику повторения и отношения к отправителю сообщения. С одной стороны, в шёпот суверена вложена *imperium par excellence* («Приказываю тебе повторить то, что я рассказываю, приказываю тебе услышать меня и повторить то же самое, что тебе рассказываю!» — чтобы вообще остался на сцене, изменил сцену, чтобы остался в игре и т. д.). С другой стороны, если только повторишь то, что тебе скажу — призовёшь инстанцию, которую и я призываю, сделаешь то же самое, что и я делаю; и только если ты послушный — ты непослушный и отменяешь меня как носителя *imperium*-а (эмитируешь провокацию, освобождая

ешься от меня, отменяешь меня, когда ищешь защиту в присутствии народа).

Мое предположение, что слово, которое Горацию надо произнести вживую, чтобы изменилось его положение на сцене (чтобы он перешел на другую сцену и спас себя), в ситуации, когда он скоро будет бичеван и повешен, что это слово, которое должно быть совсем прямым и голым (живым), потому что оно должно быть направлено на народ (следовательно, в ничто, в пустое, в (не)возможное; нет никакого народа, который находится перед и который ожидает его слово), что это слово *provoco* содержит вопль о помощи и поэтому существенно всегда отличается, но совсем по мере жизни, которая находится под угрозой. Это последнее возможное слово в живом, здравствующем (*in vivo*).

Если *provoco* Горация является образцовым, и вживую выполнен обход нормы во имя и в пользу жизни, тогда любое провокационное действие должно обязательно так или иначе копировать эту модель.

Другой случай, чью достоверность невозможно и, впрочем, неуместно испытывать, который произошел более чем сто пятьдесят лет спустя (около 475 года до нашей эры), Ливий описывает ещё детальнее. Контекст теперь гораздо сложнее. Спорными являются смешения между сословиями, новые законы и совсем новые институции, разделение власти и распределение функций, и, прежде всего, отношение между ингеренциями, сущностями военной и гражданской власти. Воллерон Публилий, главный герой этой новой истории, не совершил никакого преступления, но как небольшой храбрый командир или младший офицер требует получения более значительной роли по применению власти в полисе. Он много говорит, бунтует, короче говоря, не принимает несправедливость, которую

власть навязывает. Когда его критика явных дел достигает пика, консулы посылают ему ликтора. Сначала он жалуется трибунам (можно сказать, что жалуется одной высшей военной инстанции-институции), и когда к нему не приходят на помощь и не отвечают на его жалобу (не приходят, чтобы предотвратить арест), тогда, говорит Тит Ливий, его сразу хватают консулы (очевидно, некоторые из них их стражники), раздевают его и готовят кнуты (*consules spoliari hominem et uirgas expediti iubent*)⁴.

Призываю народ (*provoco ad populum*), потому что трибуны будто любят, когда перед их глазами избивают римского гражданина (*ciuem Romanum*) <...>.

Потом, продолжает дальше Ливий, Волерон начинает кричать и реветь все сильнее и сильнее, потому что ликтор издевается и насильно срывает его одежду и раздевает его. Чем больше он кричит, тем ликтор становится более жестоким. С помощью двух своих помощников он успел оттолкнуться и освободиться от него (*adoucatis repulso lictore*) и отойти от нескольких из них, чтобы ещё громче вопить и кричать:

Призываю и умоляю о защите соотечественников (*Prouoco et fidem plebis imploro*). Придите, граждане (*adeste ciues*). Приходите, ратные друзья (*adeste commilitones*)⁵: не ожи-

⁴ Live T. Histoire romaine. Tome II, Livre II. Paris, Les Belles Lettres, 1954. 2, 55. Pp. 84–85; Livije T. Istorija Rima od osnivanja grada. S. 131–132.

⁵ «Adeste... adeste, очень старая форма призывания (*form of invoking*) помощи Богов или людей, является усиленным повторением. <...> Особенно патетичным является употребление слова *commilitones*. Ливий это слово использует только в речах, что указывает, что использует его для специального эффекта». Ogilvie R. M. A Commentary on Livy. Books 1–5. P. 375. На английский *adeste* переводится как “assist me” или “help me”, а на французский как “au secours”.

дайте ничего от трибунов, им нужна ваша помощь (*quibus ipsis uestro auxilio opus est*).

Ливий дальше оповещает, что толпа около Волерона с большой скоростью увеличивается, готовится к борьбе и вооружается, что выглядело, как будто все разрушается, что больше ничего не являлось святыней (что ничего не уважалось) — ни публичное, ни частное право (*nihil cuiquam sanctum, non publici fore, non priuati iuris*), что с ликторами плохо обращались и что их символы и знамена уничтожались (*fascibus fractis*), что все из власти бежали и склонялись, сами не зная, до какой точки Волерон продлит (употребит, поставит в дело и в силу) свою победу (*quatenus Volero exerceat uictoriam*).

История, как любая история, заканчивается и перестает нас интересовать с того момента, когда Волерон становится вскоре выбран новым трибуном, когда он принесёт свои первые законы, которые будут плохими, и когда он начнет погружаться в забвение.

Ливий гениально разбирает и дописывает собственную легенду о Горации, сразу находит её слабые места и развивает её в новых обстоятельствах. Хотя выглядит она как чистая ирония, констатация Волерона о том, что трибуны настолько слабы, что им нужна помощь, и что народ или бывшие воины вообще не должны полагаться на них, очень точно проводит границу, до каких пор победа Волерона продвинется. Бунтовщик остановится тогда, когда сам будет выбран на место трибуна, когда он станет именно тем, кого он впервые призвал на помощь, кто первый должен был помочь, но не отозвался. Это значительный момент. Бунт имеет цель корректировать и, может быть, трансформировать институции. Кроме того, нам не надо

преувеличивать волнения и «террор», который растекался по улицам. Нет никакого террора. Существует исключительно страх власти потерять власть, потому что голоса чрезмерно сильны и полностью неконтролируемы.

Гражданин Волерон физически под угрозой и взывает к помощи. В этом моменте полной безысходности он троекратно попробует позвать: одну из «институций» республики (трибунов или военную верхушку, трибун является наивысшим званием в одной легии и членом парламента); «институцию» *ius provocationis* (все ещё неустановленное и хрупкое «учреждение» на границах забвения); выспрашивает солидарность между гражданами, которые присутствуют и находятся на кончиках пальцев⁶, солидарность знакомых и силу соратников и ветеранов, с которыми до недавнего времени участвовал в войне и которыми командовал.

Я бы не торопился, чтобы слишком быстро не просчитать все последствия судьбы Горация и Волерона, настаивая, что сила воззвания (*provocatio*) и источник напора для близости и единства всегда содержится в войне. Речь о том, что на улицы Рима, на клич воина Волерона, скоро явится комплектная единица для специальных назначений с полным вооружением (единица в резерве или единица, однажды уже разбросанная и расформированная), что в этот же момент улицы будут блокированы, и институции и законы будут мгновенно отменены, что действительно подтверждает силу приказания (*imperium*) и отзыва (послушности), которые украшают военный легион. Война и подготовка к войне подразумевают, что ценность жизни очень высока (но не безусловна), поэтому процедуры срочной

⁶ О моральном значении расстояния и индивидуального долга, чтобы помочь другому. Ср.: The Ethics of Assistance. Morality and the Distant Needy. Cambridge University Press, 2007.

и первой помощи приспособлены к опасности, то есть к внезапным и чрезвычайным обстоятельствам.

Солидарность является составной частью той же самой процедуры, чья цель, напоминая, не сохранение и оборона жизни (любой ценой), но выполнение определенного долга и задачи на пути к победе. Всякий раз, когда солидарность (братство или товарищество) таких единиц или преступных групп (болельщиков, сект или партий) потенцирует как образцовая, потому что проводит начальный и элементарный облик одного сообщества, не должно быть забыто: как ритуальная или культовая, такая группировка подразумевает и процедуры жертвования, и соперничающее враждебное сообщество в поле зрения. Важнее, что такая группировка, полностью принудительная и последняя на Ливиевой шкале призыва, является манифестацией крайней деградации.

Действительно, речь идет о шкале. Однако когда одна история включится в другую, обе эти легенды, которые иначе фантастически складываются в испытании силы вокатива и облика отзыва, ясно показывая границы нормы, всё, что нам остаётся, это инвентаризировать шаги и причины фатальных неудач и недостатков слуха. Кроме того, мне кажется, что последняя легенда и последний ряд Волероновских призывов «на помощь», легко могли бы закончиться там, где начинается история Ливия о Горации: на месте между мечом победителя и адамовым яблоком врага (на месте коварного убийства врага и его безмолвного позыва). Волерону никто, кроме его товарищества, не мог бы помочь. Каждое дальнейшее именование и призывание других превращалось бы снова в возглас, пока в конце Волерон терпел бы избиения и тем вызывал стоны его врагов, которые страдали от его ударов.

Гражданин Волерон все больше уточняет свой прозыв, поскольку его первые две акции не успели: первая, в которой он пытается договориться и институционально урегулировать вход ликтора на сцену (чтобы решить проблему в рамках системы и вернуть стражников назад), и вторая, когда прозывает народ таким же образом, как это делает Гораций, но все опаздывают, никто не подходит и ликторы немеют.

Давайте останемся тогда в конце, в эхе того *provoco* и, наконец, на границах динария, который перед нами. Представим, что фигура в тоге уже не только Гораций, но и его попутчик по оружию, римлянин, на полтора столетия моложе него, Волерон Публилий. *Provoco*, которое они оба произносят и которое выполняет провокационное действие, является в индикативе. Это действие содержит в себе вокатив, стремится «создать» из голоса *ius* (право) и в то же время предвещает восстание (я назвал бы эту попытку, всегда безусловно ясным именем — *переворот*). Когда говорю «призываю», «провоцирую» — я совершаю действие провокации и исполняю её первый шаг.

Реперкуссия, повторное звучание этого индикатива (индигирование — это показ; *dik* в индоевропейской языковой семье — показать), весьма особая, и именно она определяет провокацию. Если, например, произнесу «пою» (или «говорю», «реву», «завываю»), я не пою, не совершаю действие пения; не могу спеть «петь» в индикативе; но если всё же успею спеть, это мое пение не призывает и не обязывает кого-либо петь вместе со мной или приходить, чтобы слушать меня. Если я скажу «призываю», я все же не призываю. Слово «призываю» ищет добавления — например, чьё-то имя или имя какой-то группы. «Призываю резервистов» — это выполненный призыв, который их дефинитивно дви-

гает. *Provoco* или воззвание ищет, чтобы кто-то или все двинулись и почувствовали себя призванными. Думаю, ясно, что если на ваш призыв отзовутся только резервисты или ветераны, то это не может до конца выполнить универсальные требования провокационного действия, потому что позыв направлен и не исключителен и потому не является призывом или полностью провокацией. Провокация должна рассчитывать на всё без остатка. Все являются призванными тогда, когда я произнесу слово *provoco* в индикативе, но их ответ (ответ всех — поэтому вместо слова «все» происходит слово или «собирательное» существительное «народ», которое всегда касается тех, кто не присутствует) или их отклик будет императивным (индикатив производит императив). Если случится такой ответ, будет выполнен и второй шаг, и *provocatio* будет закольцовано и исполнено.

Возможность путем одного слова (или на основе одного единственного действия; не знаю, должно ли оно быть «от слова» или «от голоса», но нужно чтобы во всяком случае было очень громким) пригласить всех, чтобы все пришли и все присутствовали в одном месте, является величественным моментом и главным условием провокационного жеста. Хотя уже сложно перечислить и классифицировать все условия, которые я упомянул до сих пор и которые покрывает *provocatio*, это является первым и наиважнейшим. Оно отличается несколькими деталями, которые в совокупности определяют то, что приходит на ум при упоминании слова *provoco*, и которые я пытался все время бегло выделять и определять.

Теперь я бы упомянул или повторил ещё несколько из них: (1) первое лицо единственного числа является главной чертой конституируемого субъекта (вокатив,

глас, воззвание, восклицание, гул, траур Камиллы и зов мертвого, призывание Бога — всё вложено в изречение *provoco*, которое связывает субъекта с остальным миром); (2) призывание других (анонимных) является ситуативным и ориентированным, потому что оно точно дает понять, где находится субъект; (3) призывание является личным жестом, и субъект говорит от своего имени и не представляет никого; (4) субъект защищает свою жизнь (сознательно защищает своё тело и свою жизнь), не бежит и не сдается, но настаивает на присутствии других и на близости с другими; (5) субъект подвергнут давлению со стороны власти и противостоит ей, призывая её происхождение в народе и вызывая её на дуэль перед народом; (6) Бог включен в воззвание и становится его центральным элементом в той же мере, как и власть, как и часть народа, призванная отзываться и отказаться от собственной власти и нормы.

PROVOCO-2

Вызов-2

Это всё и достаточно!

Этого восклицания во время царя Гостилия хватало для обращения ко всем. Голос Горация обрамлен и защищён шёпотом суверена, слухом народа и послушностью ликторов.

Больше чем сто пятьдесят лет спустя (подумаем, что временная дистанция между Горацием и Волероном, как, например, между Марксом и нами) офицер Публилий должен будет дополнить и уточнить свой призыв, чтобы успеть прибыть на место назначения. Попытаемся не оглядываться на всё то, что происходит после того как народ или часть народа войдёт в сцену этого динария и вытолкнет власть со сцены.

Забудем все проблемы и все хлопотания, которые наступают, когда голоса народа и шум на улицах превращается в законы, в позиции и правила. Пусть теперь всё это останется полностью на втором плане, хотя успех провокаций как раз и измеряется неким троекратным колебанием, которое предполагает присутствие народа и оккупацию города: народ находится на улицах, чтобы аннулировать одну норму, корректировать и повторить её, вселяясь в институции (как это, впрочем, делает Волерон), но, в конце концов,

никогда не уйти с тех же улиц (разве это не в основах *ius provocationis*?).

Только воззвание и отклик строят поле провокации и обновляют её силу. Настойчивость и напор Публилия, чтобы найти подходящее слово и интонацию (не забываем, что он напрягается и воет) и завоевать поддержку других, вдвойне будут отмечать каждую будущую провокацию и каждое следующее откровение народа.

Мы обязаны ему за этот момент, за одну тяжкую и невесёлую истину: *provoco* не является никаким паролем (*password*). Провокация или *provocatio* — это только пространство для одной вечной переменной, которая от Горация до сегодняшнего дня постоянно исполняется полностью разными содержаниями и обликами. Только в случае *легендарного события* в первый раз достаточно было произнести, именовать и, одновременно, произвести одно успешное речевое действие. Каждый следующий раз будет иным, более сложным, но ставка всегда будет постоянной. Конечно, существуют периоды, повторяю, невыносимые периоды, которые могут продолжаться сотни лет, когда нет никаких намерений (или отпора) и нет никакого воззвания.

Второй итог и большая заслуга Тита Ливия и его героя (она непременно происходит из этой предыдущей) касается шустрости и ловкости, которая нужна, чтобы один голос (или клич) был настроен и производил определенный эффект. Как только пользующийся легендой о Горации установил *силу воззвания* и удостоверился в возможности, что она действительно есть право (*ius*) или будет правом (следовательно, *ius provocatio*), Ливий нам сразу делает очную ставку с промахом и с негативным исходом. В тот же час он начинает анализ «права, которое ещё не стало правом», путем призывания и варьирования восклицания *provoco*,

эвоцируя и нащупывая силу воззвания, которое является двигателем каждой *provocatio*.

Волерон, следовательно, пытается перекодировать одну норму, которая ещё не норма (хотя он предполагает, что она есть, и что *provoco* может автоматически остановить ликтора и сообщить приближение других), в новом мелосе и ином коде, которые будут плавить воск окружающих и устаревших восковых фигур. Так он парадоксально ещё раз подтверждает, что не существует никакого права на провокацию, зарегистрированного и унаследованного, и однажды навсегда завещанного и переданного следующим поколениям. Нет ни реконструкции, ни регенерации права на провокацию, даже когда Волерон ревёт против дегенерированных институций власти.

Provocatio — это исключительно настаивание на слухе и присутствии всех. Вот и всё.

Публилий сразу идет дальше, чем Гораций и, прозывая, именуется народ:

Prouoco ad populum.

И далее:

Призываю и умоляю соотечественников защитить меня (*Prouoco et fidem plebis imploro*)¹.

¹ В главе “Provocatio and Self-help” Эндрю Линтотт (Andrew Lintott) напоминает о некоторых похожих призывах о помощи сограждан в греческих городах. Слово *boe* в греческом языке используется, чтобы описать призыв о помощи, а *boedromein* является ответом на этот призыв (*boétia* является существительным). Например, встречаем такие призывы у Аристофана в «Облаках», когда отец Стрепсиад зовет соседей, соплеменников, соотечественников (*iou iou o geitons kai ksigeneis kai demotai*), потому что сын Фидиппид молотит его (1321); или у Софокла в «Эдипе в Колоне», когда Эдип зовет полис Афины (*io polis*) (836). Provocatio. From the Struggle of the Orders to the Principate. S. 228–231.

Содержание этого высказывания и значение слов, которые размельчают и разделяют на части «народ», который в своей тотальности никак не указывается и не подходит, не важны. Решающей является форма призыва, а не то, что Волерон просит о помощи плебеев. *Fidius* — это прозвище Юпитера, так призыв на защиту *de facto* направлен к людям, которые имеют похожее происхождение и принадлежат к тому же классу, как и Волерон, усилен проговариванием древней и важнейшей римской поговорки (это молитва или инвокация *medius fidius (juvet)* — поддержки Боже / да поддержит меня Бог [да имеет доверие ко мне])².

Приходите, граждане (*adeste ciues*). Приходите, соратники (*adeste commilitones*).

Adeste... adeste уже является сигналом полной потрясенности и крайнего падения. Это двойной императив (инфинитив — *adesse*; индикатив настоящего — *adsum*). «Присутствуйте», «присутствуйте» или «появитесь», «откройтесь», «будьте тут», «присоединяйтесь» (английское слово *help* сохранило это значение добавления)³.

² Это идиоматическое выражение отличается от молитвенного выражения «помоги Боже», «помогает Бог», «Бог в помощь» или выражения «да поможет мне Бог» или молитвы Иисуса (молитвы сердца, молитва Иисуса Христа) — «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Славянско-русская версия помогания и оказания помощи другому является подчиненной слову «сила», исполняется на основе чьей-то силы либо помощь может оказать только тот, кто имеет силу или кто сильнее. Тот, от кого ищут «помощь», легко заметить, должен быть в состоянии и непременно иметь большую силу, чем тот, который ищет. Так, поиск помощи сразу является признанием чьей-то силы (силы другого) и сразу это уничижительно.

³ В «Федре» Сенеки подобным образом позываются Афиняне. «*Adeste, Athenae! fida famulorum manus, fer opem*» (6, 720). Под-

Последнее предложение, которое Ливий отмечает, это:

Приходите, соратники (*adeste commilitones*): не ожидайте ничего от трибунов, им нужна ваша (союзническая или объединенная) помощь (*quibus ipsis uestro auxilio opus est*)⁴.

Гениальность этого оборота находится в призыве поторопиться и прийти к Волерону, чтобы помочь тем, которые должны были помочь первыми и чья помощь не подоспела. Зову вас, говорит Волерон, не только защищать меня, но, чтобы защитив меня, все вместе защищали других и отозвались на призыв (которого нет, но который слышно) тех, кто под большей угрозой (трибунов и членов сената).

Только в этом месте текста Тита Ливия появляется слово «помощь»⁵ и только в этот момент можно говорить о настоящей природе провокации и её безусловной полисной (политейной) ангажированности.

бежите (*adeste*), прислужите, дайте руку и т. д. На французский *adeste* регулярно (обычно) переводится с восклицательным знаком «*au secours*» (на этом языке это снова и исключительно «на помощь»). *Au secours (succor* — это английский синоним) происходит от латинского *succurrere* — прибежать (прибегать), чтобы кому-то быть под рукой или «на всякий случай» (*currere* — бегать, убежать). *Sequor* на латинском значит следовать, следить, быть за чьей-то спиной. Выражение «иметь спину» соответствует этому: бегу навстречу, прикрываю со спины и подбегаю.

⁴ *Auxiliator* — это тот, кто способствует в какой-то задаче, союзник (*auxilio* может иметь значение лекарства). *Auxilia* (множественное число) — это союзники, так это слово в комбинации со словом *commilitones* приносит слово союзнические труппы (*auxiliarius*).

⁵ В предложении Сенеки «*fida famulorum manus, fer opem*» — «*fer opem*» является оказанием (принести) помощи (*opem ferre alicui*, помочь кому-то другому). *Ops* — это существительное женского рода в именительном падеже, которое значит мощь (в множественном числе *opes* значит богатство или влияние).

«Помо(щ/ч)ь» — никогда не то, что ищется только для себя, но лишь в контексте полисного сообщества и для его будущего.

С этим последним призывом — подчеркиваю, что союзничество и объединение необходимо входят в защиту политейных институций, а не в нападение на них, — Волерон предуведомляет, что истинная сила (не любая сила, но та, которая обеспечивает помощь и безопасность всем) постигается, когда народ успеет уравновеситься и полностью оккупировать пространство города.

Только когда все будут вызваны, город оживёт.

Потому взываю и настаиваю: отзовитесь те, кого нет здесь и сейчас; призываю, пусть огласятся те, кого пока нет, и помогут тем, которые вызваны и до них не дошли; молю, прислушайтесь к тем, кто прямо сейчас призывает всех, которые отзываются, и вызывает тех, кого нет...

Я призываю вас всех!

Послесловие

*От Белграда через Париж
и Нью-Йорк до Белгорода...*

Наш несколько ироничный подзаголовок на самом деле очень точно передаёт философскую экзистенцию и интеллектуальную биографию Петара Боянич (Petar Bojanić, 1964 г.).

Петар Боянич изучал философию в Белграде и Париже. В 1997 году защитил магистерскую диссертацию «Фигура мира у Канта, Левинаса и Юнгера», выполненную под руководством Жака Деррида, а в 2003 году — в университете Париж-Х (Нантер), Франция, в диссертационном совете, куда вошли Этьен Балибар, Жерар Бенсуссан, Жак Деррида и Жан-Люк Нанси, прошла защита его докторской диссертации «Война как институт философии». Петар Боянич — автор многочисленных публикаций по истории философии, проблемам философии насилия, войны и мира, суверенитета и мессианства.

География его преподавательской и философской работы весьма космополитична: Америка и Франция, Англия и Германия, Италия и Хорватия, Россия и Казахстан...

В 2008 году в Белграде вышла книга “Provocatio. Vocatif, Ius, Revolution”¹, в которой Петар отправился

¹ Bojanić P. Provocatio. Vocatif, Ius, Revolution. Belgrade: Službeni glasnik, 2008. 107 с.

умозрительно путешествовать уже в глубь веков, в римскую античность.

Надо знать, что это было за время — девяностые годы уходящего долгого XX века и «нулевые» нового столетия — для Сербии и всего мира. Будто бы вчера распалась когда-то единая Югославия, а уже в конце 1990-х от Сербии начал откалываться автономный край Косово и Метохия, что и закончилось натовскими бомбардировками Белграда и других сербских городов в марте 1999 года и жёсткими санкциями со стороны западного мира. До сих пор в центре Белграда стоят руины разрушенного здания сербского государственного радио и телевидения... Петар тогда, слава Богу, уже не работал на радио, как в 1990–1996 годах после окончания факультета философии. В 2000 году произошла так называемая «бархатная революция», которая таковой — «бархатной» и «мирной» не была: после свержения правительства Милошевича и прихода к власти в результате типичного политического «переворота» прозападного лидера Коштуницы «рыцари демократии» устроили настоящие погромы и преследования своих оппонентов из социалистической партии, что и закончилось в нулевые позорными процессами в основном над сербскими лидерами, обвинёнными в «этнических геноцидах» гражданской войны в 1990-е годы. В 2006 году от единого государства предательски отпала Черногория. Сама Сербия все эти годы оставалась в плену иллюзий вступления в Евросоюз (и до сих пор витает в этих идеологических облаках с манной небесной).

Вот в это непростое время и была написана книга Петара: весь этот сербский политический контекст в ней присутствует, несмотря на занимательный античный антураж и глубокие герменевтические интерпретации и философские интуиции автора, описывающего

древние протоправовые институции, вычитанные им в знаках старинной древнеримской монеты. Сейчас этот контекст изменился, как и жизненные диспозиции автора, поэтому автор нас попросил дать в названии книги вместо термина «революция», несущего в нашем сознании негативные и разрушительные смысловые ассоциации и аналогии, его первичный космологический эквивалент — русский «поворот».

Концепт «революция» всё ещё несёт в себе исходные естественнонаучные смыслы «вращения тел», их «поворота», а политические коннотации революции как «переворота»², «поворота» или «обращения» элит или народных масс, «переворота» как смены власти, появляются гораздо позже (им в нашем языке обозначалась в первые годы даже великая Русская революция 1917 года). В названии книги мы слово «революция» убрали (наверное, оно уместно для действительно великих событий, а не для политиканских сконструированных переворотов типа «майданов») и оставили «переворот», хотя в тексте книги (в последних главах, особенно при ссылках на Маркса) присутствует и «революция», так как без политических аллюзий книга Петара утратила бы многие свои стилистические прелести и философские смыслы.

В книге реконструируется через герменевтику монетного сюжета и литературных текстов — от историка Тита Ливия до Пьера Корнеля — древнеримский институт провокации, связанный с судьбой римского воина-триумфатора Горация. Гораций поверг в сражениях врагов Рима, в славе вернулся в родной город,

² См.: Hatto A. "Revolution": an Enquiry into the Usefull of an Historical Term. Mind new series. No. 58 (232). 1949. Цит. по: Dunn J. Revolution // Political Innovation and Conceptual Change. Ed. Ball T., Farr J., Hanson R. I. Cambridge, 1989.

чувствующий его как героя, и предъявил согражданам богатые трофеи, в том числе и доспехи главного предводителя противника, убитого им в решающем бою (возможно, им был Меттий Фуфетий, оставшийся в истории почти анонимным). И оказывается, что его родная сестра (также осталась анонимной) была влюблена в этого убитого соперника и даже считала его «женихом». Она восстала против брата и заклеила его возгласом «Ах! Предатель!». Однако сам Гораций считает сестру предательницей Рима и убивает её. Царь Гостилий подвергает Горация административному суду за этот святотатственный поступок, что и грозит герою смертной казнью.

И царь разрешает ему воспользоваться древним институтом «провокации» и воззвать к суду и справедливости народа, бросив клич *Provoco*. Всегда есть надежда, что народ и, прежде всего, воины-соратники придут на помощь и рассудят по чести и справедливости. Или силой оружия свергнут зарвавшуюся власть, освободив предводителя дружины³.

Но почему убийство сестры, действительно самовольно связавшей свою жизнь с врагом Рима, считается грехом и святотатством? Потому, что эта ситуация по аналогии прямо связана с грехом *братоубийства* библейским Каином своего брата Авеля.

И здесь мы сталкиваемся с ещё более древним институтом “*homo sacer*”, который виртуозно реконструировал видный итальянский философ Джорджо Агамбен⁴, идеи и концепты которого также присут-

³ Не здесь ли лежат архетипы «сакральной жертвы» всех в истории политических переворотов и их парадигмальные сценарии (вплоть до «цветных революций»)?

⁴ Агамбен Дж. *Homo sacer*. Суверенная власть и голая жизнь. Москва, 2011; Агамбен Дж. *Homo sacer*. Чрезвычайное положение. Москва, 2011; и др.

ствуют в контекстах книги Петара Боянича. Институт “*homo sacer*” в древности (его можно обнаружить почти у всех народов) подразумевал, что отец, глава семьи и рода, имел фактически безграничную власть над своими детьми, женой и прочими домо-чадцами (тем более рабами), которые в отношении «отца» и были “*homo sacer*”, и только ему можно было здесь, в этой сфере «животной жизни» (*zoé*), вершить «суд», вплоть до лишения родичей жизни. Только отец Горация имел право убить его сестру и свою дочь.

Убив сестру, брат (Гораций) перенёс правосудные нормы из сферы республики (общего дела) в сферу «голой жизни», которой распоряжался лишь родитель. Правда, и в самой республике (или полисе, «деле многих») не было «права» в нашем модернистском понимании: это была некая нравственно/религиозно/законно/нормативная субстанция — *политейя*. Мы ранее о таком понимании «права» и древнего «закона» (номоса) писали: «Номос существенно отличался от традиции и обычая тем, что это был *нравственно-правовой закон* в его первичном синкретизме, который открывал “пространство свободы человека”, “принятия решения” в ограничительных нормах полиса, организующего *zoé* как “животную жизнь” в *bios* — как “посланное судьбой поприще” (Хайдеггер), “законную жизнь”, “политейную жизнь” свободного гражданина в полисе. В античном полисе мы имеем совершенно новую, синкретичную форму нравственно-правового регулирования “*bios*”»⁵. Правда, Агамбен показал, что институт “*homo sacer*” присутствует и сфере Римской «законности»

⁵ Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: Интеллектуал в интерьере культурного капитала. Под ред. В. П. Римского. М., 2017. С. 132.

и «права», где-то там, в маргинальных, религиозно-культурных сферах.

Но и *институт провокации* — воззвания к демосу или плебсу — восходит к также древнейшей институции военной демократии (прямой демократии типа русского вече), которая была у всех древних народов. Вот эта коллизия в столкновении древнейших онтологических институтов жизни человека с более зрелым «номосом» политейи античного сообщества приёмами герменевтики и описывает Петар Боянич в своей книге.

Особой проблемой при литературно-философском редактировании текста стало использование русских слов при передаче латинских терминов и слов сербского языка, которыми автор пользовался в своём нарративе. Здесь мы обратились к стихии русского языка, прежде всего, к «Толковому словарю живого великорусского языка» Владимира Даля. И русский язык дал нам удивительно образную смысловую палитру.

«Голос» — это не только «звук, звон, тягучий шум разного рода; звук или зык из гортани человека или животного», но и «мелодия, мнение, молва, власть, влияние», как и выборное «голосование». «Глас» не только «Глас Божий» или «глас народа», но несёт смыслы «известности, общеизвестности, оглашения, огласки, слова, речи, говорения, вещания, произношения, зова, называния, призывания» и т. п. «Зов» и «Призыв» («Призвание») — «воззвание, вызов, призыв, оглашение вызова в народе, клич, приглашение», которые предлагают нам «взывать, восклицать, кричать о помощи, вещать, кликать, призывать, подзывать, приглашать; именовать, называть, чествовать по имени».

И только «Провокация» (*provocatio*) во всех словарях упорно показывает лишь негативные смыслы и кон-

нотации⁶, хотя в самом латинском языке, как показал автор, это чаще всего просто «вызов» («воззвание») или «апелляция к народу». Если внимательно вжиться в русский язык, то и здесь мы обнаружим массу тонких и положительных смыслов: это не только «взывание, призыв, позыв, воззвание», но часто и «молба», «агитация», «побуждение» и «ажитаж», вызывающие в нас желание куда-то бежать, кого-то звать и собираться вместе; в обыденности мы часто провоцируем друг друга «наущениями», «подначками», «подстрекательством», сомнительными «предлогами» и «побуждениями»; и т. д., и т. п.

В книге Петара Боянича мы обнаружили не только текстовые и контекстовые смыслы латинской терминологии, которые присутствуют у самого автора, но и попытались насытить латынь и сербский язык всеми богатствами русского языка. Как нам это удалось, судить читателю, которого мы призываем: *PROVOCO*.

Виктор Римский, Сергей Борисов

⁶ См.: Дмитриев А. В., Сычев А. А. Провокация: социофилософские очерки. Москва, 2017.

Содержание

Prologus	5
Provoco (Бросаю вызов).....	13
Invoco (Мольба)	34
Imperium et/Sive provocatio (Власть и/или вызов)	50
In vivo (Да здравствует!)	71
Provoco-2 (Вызов-2)	85
Послесловие. От Белграда через Париж и Нью-Йорк до Белгорода.....	91

Научное издание

Петар Боянич

ПРОВОКАЦИЯ
Воззвание
и право на переворот

Перевод с сербского:

Войислав Стоянович, Виктория Березняк

Научная редакция,
авторы примечаний и послесловия:
Виктор Римский и Сергей Борисов

Корректор *Лиана Парамонова*
Верстка *Евгении Язвенко*
Издатель *Федор Еремеев*

Почтовый адрес издательства:
«Кабинетный ученый»
Россия, 620014, г. Екатеринбург, а/я 489

POSTAL ADDRESS:
Armchair Scientist, Russia, 620014,
Ekaterinburg, P. O. Box 489
E-mail: fee1913@gmail.com

Подписано в печать 24.02.2022. Формат 80 × 100 1/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная.